

Изгорь Боронов

Выстрел

ДОРОГА НА ГОЛГОФУ

18+

Игорь Воронов

Дорога на голгофу

<https://litres.ru/74650399>

SelfPub; 2026

Аннотация

Этот роман является вторым из трех самостоятельных произведений о сыщике по прозвищу Виртуоз ("Виртуоз", "Адский сувенир"). Во время расследования дела о похищении у бизнесмена Родова ценной информации в руки сыщика попадает порнокассета с убийством. Виртуоз пытается раскрыть тайну этой страшной улики и, по мере распутывания странного клубка, понимает, что смертельная опасность теперь грозит ему самому.

Игорь Воронов

Дорога на голгофу

ПРОЛОГ

Время остановилось. Для него оно перестало существовать. Как будто он всю свою жизнь был именно таким — тридцатилетним крепким мужиком. И именно здесь — в этом тускло освещенном помещении автомастерской.

Хотя, конечно, все обстояло не так. И был он младенцем, и отроком, и юношей, и стал мужчиной. Совсем недавно все было по-другому. Время бежало. И даже более того. Оно летело — неимоверно быстро.

Он чувствовал это время еще недавно, сидя в машине. Он чувствовал его и тогда, когда вошел в автомастерскую и включил свет. И когда водрузил сумку на рабочий стол, — все еще было по-прежнему.

А затем все перевернулось. В один миг. В тот миг, когда он открыл сумку и заглянул внутрь. То, что он там увидел, перечеркнуло многое.

Время остановило свой ход. В одночасье он перестал ощущать свое тело, перестал воспринимать окружающую обстановку, он словно выпал из нее, перенесясь в другое измерение, напрочь исключавшее такое понятие, как время.

Это было странное чувство. Чувство некоей пустоты. Буд-

то он находился здесь всегда. И только здесь. И вот в таком положении. С застывшим в удивлении лицом, со склоненной над раскрытой сумкой головой.

Так было. Так должно было и продолжаться. Как камень веками лежит на одном месте, так и он будет стоять здесь. Полностью опустошенный. Потерянный во времени.

Время... Это на самом деле могло продолжаться сколь угодно долго. Если бы он был один в этой автомастерской.

Но он тут был не один. И раздавшиеся голоса перенесли его из пустоты и безвременья в прежний мир, в котором время было едва ли не главной категорией бытия.

Он возвращался очень медленно. Даже, можно сказать, с трудом и с каким-то нежеланием. Ощущая вновь свое тело и сознавая, что он здесь находился не всегда.

— Там что-то не так? — с сочувствием поинтересовался первый человек; именно от этой реплики он стал приходить в себя.

— Ты что молчишь? — это уже спросил второй человек.

Но, как и на предыдущий, на новый вопрос он ничего не ответил.

— Ожидал чего-то лучшего? — опять подал голос первый.

Он окончательно стряхнул с себя пелену безвременья. И повернул голову на голос.

— Здесь должно быть совсем другое, — разжал он, наконец, свои губы, ощущая, что тело захватывает новое чувство:

негодование.

— Правда? Разве я такое говорил? Я не давал гарантии. Так что не нужно идеализировать.

— Считаешь, это умно? — он даже не сделал попытки потянуться за пистолетом; ему казалось, что он разберется и без оружия; он лишь твердо повторил: — Здесь должно быть другое.

— Но его нет.

Человек с издевательской ухмылкой развел руки в стороны, как бы говоря: чего уж тут дергаться, если так получилось.

— Надеешься, я удовольствуюсь таким ответом?

— Ты удовлетворишься тем, что есть, — ухмылка не сходила с лица говорившего.

Он едва не потерял контроль над собой. Схватил сумку, сжал ее вмиг побелевшими пальцами:

— В таком случае — ты свое получил.

Ухмылка исчезла с лица. Человек вмиг подобрался. Однако не двинулся с места.

А через секунду...

Два выстрела гроыхнули под сводами автомастерской.

Что-то ударило ему в спину, затем приподняло и швырнуло на стол. Он ударился животом о железную поверхность, ноги подогнулись, и он, уже не владея телом, сполз на пол.

Он не ожидал такой развязки. Не ожидал такого от человека, который стоял у него за спиной. Но теперь приходи-

лось менять свое мнение. Уже угасающим сознанием, которое еще пыталось воспринимать, что творилось внутри помещения.

— Хорошо, хорошо... А теперь опусти пистолет. Вот так, вот так... Все закончилось.

Эти слова доносились до него откуда-то издалека. И адресовались не ему. Затем он услышал тот же голос уже рядом с собой. Прямо возле уха:

— Знаешь... А я ведь тебя обманул. Я с самого начала знал, что в этой сумке иного и быть не могло.

У него не было сил ответить говорящему. Он едва удерживал сознание. Он почувствовал, как у него из рук вырвали сумку. И после этого услышал удаляющиеся шаги.

А потом он понял, что умирает. Ощущение было почище, чем ощущение безвременья. Явилась адская боль, с которой сознание не желало справляться. Долго выдержать эту боль сознание просто не могло. Оно свернулось в клубок, затем превратилось в точку и в тот же миг погасло.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ. КОСАРЕВ

1

Это был довольно тучный человек. Хотя «довольно» — слишком мягко сказано. Громадина... Лично я сравнил сей экземплярчик с Ниро Вульфом. Даже подумывал спросить у

него, а не выращивает ли он в свободное от заколачивания бабок время орхидеи? Но скоро данное желание у меня пропало. После того, как он барственным жестом руки позволил мне сесть напротив него.

Потом он толстыми сосисочными пальцами достал из деревянной коробки с золотой инкрустацией огромную сигару и привычным движением сунул ее в рот. Тут же стоявший позади него бритоголовый молчун услужливо поднес к кончику сигары зажженную зажигалку.

Когда он запыхтел, что паровоз, вопрос по поводу орхидей у меня отпал сам собой. Потому как в сей момент этот толстяк стал напоминать мне Уинстона Черчилля. А значит, и спрашивать его теперь следовало совсем о другом. То бишь: а не уходят ли корни его родословной глубоко в английскую землю? По фамилии, которую данный господин носил, — вряд ли. Ничем не примечательная фамилия. Родов. И имя вполне славянское. Иван. Да и по батюшке он был Михайлович, то есть его предок, пожалуй, никак не тянул на англичанина.

Мизинцем, на котором красовался массивный перстень, толстяк сбил пепел с сигары в пепельницу и задвигал своими мясистыми губами:

— Так вот ты какой, Virtuoz.

После чего он вновь запыхтел сигарой. По-видимому, давая мне возможность проникнуться его словами.

Проникаться мне не хотелось, и я, удобно усевшись в

кресле, стал окидывать взглядом комнату, в которой находился.

Это был холл трехэтажного коттеджа, в коем проживала сия примечательная личность. Просторный холл, напичканный безумно дорогой мебелью. Холл, в котором находились на данный момент три человека. Я собственной персоной. Хозяин данного жилища, а также его молчаливый телохранитель — двухметровый боец звероподобного вида, встретивший меня у входа в особняк и не проронивший пока еще ни единого слова.

В отличие от своего телохранителя, Родов, как видно, понимал толк в разговорах.

— Мне рекомендовали вас как знатока своего дела. Хотя и дело, которым ты занимаешься... Хм... Впрочем, как твое занятие и называть-то? Вроде и не вышибала. И не сыщик...

— Я разыскиваю должников, — подсказал я толстяку, и тот отмахнулся от меня рукой с сигарой, как от назойливой мухи.

— Разыскиваешь должников. Надо же, как выделил свое занятие. Впрочем, один хер, — он прищурил один глаз. — Мне рекомендовали вас хорошие люди.

Он перескакивал с «вы» на «ты», не особо задумываясь, — просто как слово ложилось в тот или иной момент на язык.

— Очень хорошие люди, — многозначительно повторил он, давая понять, что не следует мне данное утверждение

подвергать сомнению.

И я не стал подвергать его сомнению. А вновь принял-ся рассматривать холл. Уже верх. Потолок данного помещения был украшен лепными «излишествами», как принято это называть, и люстрой, которая запросто могла сравниться с люстрой, висящей в Кремлевском дворце.

— Не будем отвлекаться, — заметив, по всей видимости, мой отсутствующий взгляд, жующий сигару Черчилль неодобрительно постучал перстнем по столу; а затем, поерзав в массивном кресле, продолжил: — И перейдем сразу к делу. Хотя... Выпить не желаете?

Я отказался. Родов одобрительно кивнул.

— Тогда вот что, — он выдохнул струю табачного дыма едва мне не в лицо и закончил: — Я пригласил вас, чтобы вы отыскиали мне одного должника.

Твою мать, — так и хотелось мне сказать в ответ. Какой, блин, глубокомысленный тон. Надо же! Это как если бы вы вызвали врача, полчаса пудрили ему мозги идиотскими беседами, а затем заявили, что пригласили его из-за своей болезни. И диагноз этому врачу долго не пришлось бы ставить, потому как размягчение мозгов не было бы уже большим секретом.

Но у Родова вряд ли было размягчение оных. Даже несмотря на то, что царившая за стенами коттеджа жара вполне могла поспособствовать этому. Но то за стенами. Здесь вполне нормально функционировал кондиционер, на-

гнетая прохладный воздух. Да и не это главное. Сама личность Родова не давала повода дурно отзываться о его мозгах.

Родов был одним из столпов на рынке недвижимости. Его риелторская компания была едва не самой огромной в столице. А может, и не только в ней. Кроме сей прибыльной деятельности, он не гнушался и иной — оказанием услуг в создании фирм в офшорных зонах. На данного господина пахла куча спецов. А господин, знай себе, попыхивал сигарой да отдавал распоряжения — на данный момент своему звероподобному телохранителю. Ну и, наверняка, пресыщался удовольствиями — деньги для этого у него, думаю, были.

Выдержав паузу, могущую сделать честь любому актеру, я спросил:

— Много вам должны?

Дурацкий, конечно, вопрос. Ясное дело, что не бутылку ему должны.

— Много должны? — слюнявил он кончик сигары.

— Сколько вам должны денег? — я почувствовал себя не вполне уютно.

— Денег? — он, кажется, не мог понять, о чем я спрашиваю. — А при чем тут деньги? Хотя... Ну деньги тут тоже при чем.

— А что? Есть что-то, кроме денег? — я пытался вытянуть то, о чем он говорить не хотел.

Родов выпустил внушительный клуб дыма и только потом

проговорил:

— Давайте сделаем так. Вы найдете нужного мне человека. Который много должен. А уж затем поговорим о выколачивании долга.

Знакомая картина. Последнее мое дело было похожим. Владелец казино Хан просил почти о том же. Отыскать должника. А долг он, дескать, потом выбьет собственными силами, без моего участия. Я отыскал. Только вряд ли это пошло на пользу Хану. Потому как розыски закончились для Хана кончиной — и притом такой, о какой можно думать только с содроганием.

Но посвящать Родова в перипетии этого дела я не стал. Зачем пугать клиента? Да, может, и не все так мрачно. Вроде возвращать долг он собирается с моей помощью. Так что поживем — увидим.

— Кто этот человек? — очень нужный вопрос.

— Сука, — ответил Родов, окружая себя очередным облаком табачного дыма.

Я решил по этому поводу не спорить. Тем более, что звероподобный верзила вряд ли бы позволил мне долго возражать его хозяину.

— А точнее? — мягко настаивал я.

— Он пришел ко мне месяца четыре назад. Вернее, мне его порекомендовал один человек.

— Кто?

— Так. Один придурок. Хотя до того момента он казался

вполне здравомыслящим. И деловым субъектом. Не было у меня повода в том сомневаться. И раз он порекомендовал мне человека — значит, на ту рекомендацию можно было со всем основанием положиться.

— Но этот рекомендатель ошибся.

— Именно. Никогда не подумал бы, что он окажется придурком, — у Родова вздрогнули щеки.

— Хм... А где мне этого придурка можно найти?

— В могиле, — совсем скучно ответил толстяк и одарил меня неодобрительным взглядом, дескать, ты что, тугодум, не знаешь, где место ненормальным особям?

Я подобрался и кивнул. А то чего доброго он и меня причислит к славному отряду слабоумных. С автоматической отправкой в соответствующее место. В которое мне переселиться совсем не хотелось. Мне и тут, знаете, было неплохо.

— Ну да, конечно, конечно, — согласно затараторил я. — А его протеже?

— А его протеже поработал у меня и с неделю назад... Исчез.

— Прихватив у вас то, что ему не принадлежит.

— Вот это точно, — Родов ткнул в мою сторону сигарой, а затем одобрительно повторил: — Вот это ты точно сказал. Протеже этого придурка взял то, что ему не положено. И куда-то смотался.

— Может, тоже в могилу? — осторожно пытался я выдать версию.

— Это было бы неплохо. Но думаю, туда он еще не отправился. Потому как трупа не нашли.

— Ага, — понял я. — Значит, искали?

— Естественно. У меня хорошие ребята. Которые попытались его нащупать, но... Безуспешно. Тогда я получил сведения о тебе. И подумал — почему бы и нет?

— Я работаю на проценте от выбиваемой суммы.

— О проценте поговорим после того, как ты отыщешь мне этого ублюдка. А пока удовольствуешься гонораром.

— Кем он у вас работал?

— Курьером. И поначалу показывал себя с неплохой стороны. Так что, вполне возможно, со временем я его продвинул бы выше. Но этот ублюдок... Этот ублюдок, оказывается, был просто тихоней. Он выжидал и... Обокрал меня. Потом смотался. Сученок. Захотел получить все сразу.

— Весь мир в кармане, — грустно выдохнул я; потому как это мне тоже было знакомо.

— Ага, — согласился толстяк. — Весь мир. И сразу же. Но так не бывает. Чтобы получить весь мир, нужно изрядно потрудиться.

Надо же — философ. По нему не видно, что он лишился много крови и даже пота. Крови уж точно. А пота... Наверное, все же иногда потеет. Когда в баньку ходит либо производит лишние телодвижения — для такой туши они, конечно, противопоказаны.

— Что он у вас взял? — скакнул я к старому вопросу.

— Э-э, — неодобрительно качнул тяжелой головой Родов.
— Кажется, мы договорились. Сначала должника — потом все остальное.

Я не стал спорить:

— А этот... порекомендовавший вам будущего должника?
Он кто у вас был?

— Руководил одним из моих филиалов. Никогда бы не подумал, что он может подложить мне такую свинью... В лице этого ублюдка.

— Н-да! Ну, и когда ушел... — я запнулся на мгновение, но затем нашел в себе силы закончить, — в могилу этот придурок?

— Можно сказать, в одно время с исчезновением курьера.

— Его убили?

— Убили, — Родов вперил в меня пронизательный взгляд и помахал перед собой сигарой, словно прочел мои мысли.
— Тут мы ни при чем. Понял, Virtuoz?

Он будто предупреждал: если не понял, то щас мы сделаем все возможное, дабы понял.

— Конечно, понял, — спешно кивнул я к удовольствию собеседника.

— Ты мне нравишься, Virtuoz, — довольно пыхнул дымком Родов (интересно, сколько он может курить, черт его побери? так недолго и рак легких схлопотать).

— Давайте теперь поподробнее, — изобразил я активность. — Как зовут сбежавшего?

— Его все звали Кирия. От имени Кирилл. Возраст: двадцать восемь — тридцать лет. Впрочем вот...

Родов словно опомнился, тяжело наклонился, выудил из пенала фотографию и подтолкнул ее по столу ко мне.

— Тут мои компьютерщики поработали, нарисовали портретик этого ублюдка. Возьми себе. Тебе он сейчас пригодится.

С портрета на меня смотрел обычный молодой парень с доверчивой улыбкой. Н-да! Как все-таки первое впечатление бывает обманчиво. Если только... Если только все произошло именно так, как говорит Чёрч, то бишь Родов.

— Откуда он вообще? — копнул я глубже.

— Откуда-то из Орловской области. Точно не помню.

— А разве паспортных данных на этого типа у вас нет?

— Ну конечно... Мы приняли его на работу, как положено. И когда его хватились, я снарядил пару человечков на его родину. Они обнаружили в той тьмутаракани престарелых родителей, склеротиков и полусумасшедших, от которых сколько-нибудь ценной информации получить не удалось. Этот Кирия лет десять, как уехал из родных мест. И редко показывался там. А сейчас ему тем более там не хрен делать... Суке.

— Я хочу получить все, что у вас на него имеется.

— Ты получишь.

— И все, что имеется на погибшего руководителя вашего филиала.

— А этот на хрена тебе?

— Не люблю совпадений. Откуда убитый знал этого Ки-рю?

— Они учились вместе. В институте. Так он мне говорил.

— Где жил Киря в последнее время?

— Он снимал квартиру. Ни друзей, ни баб, если таковые у него имелись, мы не знаем. Кроме самого Артура.

— Артура?

— Ивин Артур. Руководитель моего филиала. Придурок! Пусть он в гробу переворачивается сколь можно долго.

— Ага, — я сделал умное лицо (во всяком случае, мне казалось, что оно выглядело таковым). — Ну, а у самого Артура был кто?

— Друзья, что ли? Не знаю. На фига он мне сдался. Мертвец этот? Мне нужен тот, кто смотался. Хотя... У Артура, насколько я помню, была невеста. — Родов пожал плечами.

— Не густо, — пробурчал я. — Я могу побывать у вас в компании, вернее, там, где работали Киря и Артур?

Родов постучал перстнем по столешнице, как бы показывая таким образом, что он очень глубоко задумался над моим вопросом:

— Только в присутствии моего человека.

Я чуть не спросил, не в присутствии ли этого гимадрила, что стоял, как изваяние, позади хозяина коттеджа, но вовремя спохватился: зачем наживать себе лишних врагов? Особенно в лице таких звероподобных субъектов.

Я молча кивнул, дескать — вы тут хозяин.

— Как понимаю, вы пытались отыскать Кирю самостоятельно. И что же, никаких зацепок не обнаружили?

— А тогда на хрена я пригласил сюда тебя? — толстяк с сосисочными пальцами возмущенно заерзал в кожаном кресле. — Нашли бы — тут тебе и сказке конец.

— Ну да. Понятно...

— Но... — Родов, не дав мне договорить, поднял руку с сигарой. — Одно есть.

— Одно?

— Одно, одна, — скривился Родов. — Какая, в задницу, разница... Короче, есть одна деталь. Правда, не знаю — зацепка то или еще что. Может быть, ты и усечешь. Ты ж Виртуоз.

Он не без сомнения хмыкнул: дескать, ну-с поглядим, какой ты на самом деле виртуоз.

— И что же это? — заинтересовался я.

— Мы обыскали квартиру, которую снимал Киря. И обнаружили в ней сейф. А в сейфе еще кое-что. Когда мы трясали самих хозяев квартиры, то те побожились, что ни сейф, ни содержимое его им не принадлежат. То есть — это принадлежало самому Кире. Вот только, к чему это?..

Родов озабоченно покачал головой. И тяжело вздохнул — загадки ему были явно не по зубам.

— Так что вы там обнаружили? — не выдержал я.

Рука с сигарой взметнулась в сторону стоявшего позади

верзи́лы.

Тот сдвинулся с места, неторопливо прошел к тумбочке, что стояла несколько в стороне от стола.

Передвигаясь, верзи́ла косил на меня недружелюбный взгляд, как бы предостерегая: совершать резкие движения здесь не рекомендуется — здоровью может повредить.

Я не стал проверять его реакцию — был пай-мальчик.

На тумбочке стоял телевизор, внизу на полке — видеомагнитофон. Верзи́ла выдвинул один из ящичков тумбочки и достал минивидеокассету. С сим предметом он вернулся назад и положил его на стол возле босса.

— Вот это мы и нашли, — кивнул на кассету толстяк.

— Можно? — я сделал движение в сторону кассеты.

Родов не возражал.

Миниатюрная видеокассета. Которыми обычно пользуются при съемках любительскими видеокамерами. Затем такие миникассеты вставляются в адаптер, и можно просмотреть запись, пользуясь обычным видеомагнитофоном.

Я пытался обнаружить хоть какую-нибудь надпись, которая указывала бы на характер записи. Если на кассете, конечно, была запись. В последнем мне долго сомневаться не пришлось.

— Всего одна кассета. И больше ничего, — с неким пафосом изрек толстяк. — Странно, не правда ли, Виртуоз?

— А что странно? — рассматривая кассету, я едва не пропустил вопрос Родова мимо ушей.

— Ну как же, — с нажимом проговорил хозяин коттеджа.
— Покупать сейф ради того, чтобы хранить в нем только эту штуку — не глупость ли?

— А может, он там еще что хранил.

— Ага. А когда смылся, то прихватил с собой. Да? Тогда зачем он эту вещицу оставил?

Ты смотри-ка! Точно — Ниро Вульф. Анализирует. Пытается собеседника чуть не глупцом выставить. Ну-ну!..

— Вы просматривали кассету?

— А как же, — едва не обиделся Родов. — Просмотрели. Занятная штука там записана. Только...

— Я могу просмотреть? — я перебил Родова и положил кассету на стол.

Родов опять сделал жест в сторону охранника. И тот, подхватив кассету, двинулся к тумбочке.

Стоило ли таскать ее туда-сюда, если можно было сразу включить систему и просмотреть, что записано на ленте.

Приметив самодовольное пыхтение Родова, я понял, что этот фрукт — не иначе любитель театральных зрелищ, если таковые поднимали его в глазах у окружающих. В данном случае — в моих. Хотя такими зрелищами меня не удивишь. И не заставишь рукоплескать.

А вот зрелищем, которое было на миникассете, удивить меня можно было.

И я удивился.

Любители порно были бы довольны таким представлением. Но не я. У меня оно с первых кадров, кроме тошноты, ничего не вызвало.

Качество было сносное. Для любителя, который это снимал.

Действующих лиц было двое. Заросшая темными густыми волосами особь мужеского пола. И девица.

Волосы у мужчины были по всему телу. Этакая обезьяна, которая совсем недавно превратилась в человека. На мужчине была маска. Маска черной гориллы. Весьма приближенная к оригиналу. В одной руке он сжимал какой-то предмет; а какой, я вот так сразу и не обратил внимания.

Девица была полностью обнажена. Ее руки – пристегнуты к свисающей с потолка толстой цепи.

Все действие происходило в каком-то убогом помещении. Вроде подвала. Стены со старыми обоями, обшарпанный пол, тускло светящаяся лампочка без абажура.

Действующие лица были заняты соитием. Но я бы сказал, что занят этим был только горилла. Девица лишь слабо держалась на цепи да стонала, и ее стоны были какие-то болезненные. Акт сопровождался извращениями, о коих не хочется и говорить...

Закончив соитие грозным рыком, горилла повернул девушку лицом к себе и вытянул руку, в которой был зажат

предмет — тот, что я поначалу не разглядел.

Но в следующий момент... Из кулака выскочило лезвие. И тускло блеснуло в свете маломощной лампочки.

На лице совсем еще юной девушки ничего не отразилось. У меня появилось ощущение, что после всего произошедшего ей уже было все равно, что последует дальше.

Горилла размахнулся и, будто саблей, рубанул лезвием ножа по телу девушки. Я даже закрыл глаза. А когда открыл, то понял, что лучше бы не открывал.

Обезумевшая особь мужеского пола всюду размахивала ножом, нанося удары по молодому телу один за одним.

Шах, шах!!!

Мне казалось, от этих звуков я тронусь. Будь он проклят!.. Я видел смерть. Но то было другое. Смерть от пули или смерть естественная — это одно. А то, что происходило на экране... Это даже не смерть. Это вызов ей.

Тело девушки лишь поначалу дергалось. А затем затихло и, обмякшее, висело на цепи. Кровь брызгала по сторонам. И мне даже казалось, что ее капли сейчас забрызгают нас.

Лица девушки уже было не узнать. Все в крови, изрезанное и исколотое.

А горилла не унимался. И все работал ножичком, работал...

Потом он все же устал. Тяжело обернулся к экрану. Обезьянья морда. Вот он замахнулся, словно намереваясь нанести удар в объектив камеры, и... И все. Пошли полосы.

Некоторое время я сидел в оцепенении. Я не мог двинуть ни руками, ни ногами, не то что говорить.

Но Родов мог. И двигать рукой с сигарой. И говорить. Эту вакханалию, он, видно, уже успел не раз лицезреть. Может, и привык к сему зрелищу.

Но я не привык. И вряд ли смогу к такому привыкнуть.

— Ну, как впечатленье? — поинтересовался он, посадывая сигару.

Я повернулся к нему. Во рту у меня пересохло. И я невольно закашлялся.

Заметив мое состояние, Родов прищелкнул пальцами. Этот знак был правильно истолкован охранником. Через минуту на столе стояли бутылка виски и два стакана.

Родов не притронулся к напитку. А я не стал отказываться, хотя «был за рулем». И сделал хорошие два глотка из широкого стакана.

Только после этого облегченно вздохнул.

— Этот в маске, — прохрипел я, — и есть ваш Киря?

Я вспомнил портрет парнишки, и мне стало нехорошо, потому что на портрете было лицо вполне добродушного малого. Возможна ли такая метаморфоза?

— Нет. По комплекции, по телу — это не он. Это не Киря.

— Тогда кто?

— Не знаю, Виртуоз. И девушку эту я тоже не знаю.

— А того, кто это снимал?

— Чего? — Родов, мне показалось, удивился искренне.

— Ну кто-то же снимал эту гадость...

— Н-да, — свободной рукой Родов почесал свой мясистый подбородок. — А почему ты так думаешь? Что кто-то снимал? Может, это пересняли западный порнофильм?

— На миникассету? — с сомнением произнес я. — Не пойдет. Это кто-то снимал на видеокамеру.

— Мои спецы говорят то же самое, — Родов одобрительно кивнул.

Ишь ты – спецы! Может, он сам подвизается в порнобизнесе? Хотя вряд ли. Ему и своего достаточно. А спецов всегда можно найти. Были бы деньги. Кажется, последнего у Родова имеется в достатке.

— Специалисты по этой фигне, — Родов ткнул сигарой в сторону экрана телевизора, — говорят, что съемка натуральная. То бишь девчонку на самом деле прирезали. Сечешь?

Интересно, что я должен был сечь? То, что на пленку запечатлели акт убийства? И хранили затем в сейфе?

— Может, это ваш Киря снимал?

— Откуда мне знать, — пробасил Родов. — Только вопросы остаются. Какого он хера хранил ее в сейфе? И почему не забрал с собой? Когда смотался.

— А может, она, эта пленка, ему и не принадлежит? — новая гипотеза промелькнула у меня в голове.

— Может. Тогда почему она у него в сейфе? И опять же, почему он ее оставил? Вишь, Виртуоз, какая херня. Я же говорил, что не пойму, каким боком эта видеокассета к Кире

предлежит. Лично у меня насчет этого нет никаких мыслей. И у моих людей тоже. Но ты просил какие-то зацепки, детали... Вот и получи. Не знаю, поможет ли... Но это все, что осталось от ублюдка.

— Можно мне взять кассету с собой? — поинтересовался я, не очень-то надеясь на положительный ответ.

Но никаких возражений со стороны Родова не было:

— Бери. Мне эта кассета до лампочки. Как и то, что там снято. Шлюха, мистер Икс — эти уроды рано или поздно кончают одним. Так что мне они по барабану. А вот Киря... Киря мне нужен. И то, что он у меня взял, нужно вернуть. Найди мне этого ублюдка, Виртуоз.

Последнее он произнес, подавшись в мою сторону всем телом. Даже кресло при этом движении под ним затрещало.

— Я сказал все, — закончил он, вернувшись в прежнее положение и тут же перескочив на «вы». — А теперь давайте обсудим ваши затраты.

Слово «обсудим» он понимал по-своему. Это значило, что у него все уже было решено.

Родов выдвинул ящик стола, достал пачку купюр и небрежно швырнул ее ко мне на край столешницы.

— Тут должно хватить, — уверенно произнес он. — Но если расходы окажутся большими — скажете. А ваш гоно-
рар...

Он задумался. Мне показалось, толстяк Чёрч высчитывает сумму с учетом инфляции — возможной к тому момен-

ту, когда его проблемы будут решены; а может, у него существовали свои тарифы на определенные виды услуг, и теперь он искал в списке оных что-то подобное — дабы со мной рассчитаться без затей.

— Думаю, пяти штук зеленых как чистого гонорара будет вполне достаточно.

— Я работаю на проценты, — попытался напомнить я.

— Угу, — не стал спорить он. — Пять штук — это за поиск. Когда мы его найдем, тогда будем говорить о процентах. Это уже следующий этап. Так, Виртуоз?

Он прищурил свои заплывшие жиром глазки. И спорить мне не захотелось.

Я поднялся. Пора было и честь знать.

— Если у меня появятся вопросы — я позвоню, — это и было моим ответом.

— Звони, — отозвался Родов и протянул мне визитку.

А затемдохнул в мою сторону табачным дымом. Я посчитал это за знак прощания.

3

Тем, кто со мной не знаком, скажу — я занимаюсь розыском должников. С некоторых пор.

Конечно, данным делом я занимался не всегда. В свое время я закончил универ, служил в десанте, немного в угрозыске, прошел школу спецназа и был в группе специального на-

значения при ГУВД столицы, пока меня оттуда с треском не выперли по несоответствию (просто в то время нужно было на ком-то отыграться, и я подвернулся под руку). Ну и бог с ними! Знание оперативной работы мне сейчас весьма пригодились.

Фортель в моей судьбе произошёл, можно сказать, случайно. После увольнения из органов я как-то зашёл к одному своему знакомому из финансовой компании, мы изрядно выпили, он поплакался мне в жилетку, что, дескать, его компаньша предоставила кредит одной фирме, а руководитель оной, заныкав денежки, скрылся. И отыскать данного гада не удавалось. Ну я, как бы невзначай, поинтересовался, а что светит тому, кто укажет на исчезнувшего пройдоху, и мой знакомый с ходу рубанул: пять процентов. Получалось — десять тысяч. Неплохие для меня в то время деньги.

Я нашёл того должника. Собрав необходимую информацию, я обратил внимание на одну деталь — он был помешан на бабочках и коллекционировал их. И перед своим исчезновением он искал одну очень редкую бабочку. Я «прошелся» по его последним звонкам и обнаружил, что он звонил в Малайзию. А там — крупнейшая ферма по разведению редких бабочек. На деньги своего знакомого я нанял из одного частного агентства двоих ребят и снарядил их в эту экзотическую страну, на данную ферму. И получил потрясный результат. Такой экземпляр бабочки требовал лишь один человек. И этот заказ они только собирались выполнить. Так мы

получили адрес заказчика и взяли нужного нам человека.

После этого случая мой знакомый сделал мне неплохую рекламу, так что потихоньку пошли заказы.

В мою задачу входит не только розыск должника, я должен сделать так, чтобы должник вернул долг. Я берусь за такие дела, которые уже считаются «дохлыми». У меня свои методы. Без утюгов, цепей и щипцов. Мой метод — психологическая обработка дебитора. Правда, в первом случае любитель бабочек был настолько ошеломлен, что вернул долг без какой-либо психологической обработки. А вообще, у каждого человека свой мирок; если с должным умом влезть в него и с терпением разработать, то можно добиться многого. Существует небольшое количество сценариев поведения человека, загнанного в угол, а поступки любого человека могут быть предсказаны с большой точностью. Это теория. Но на практике так все и выходит.

Последнее мое дело в некоторой степени было необычным. Необычным в том, что оно закончилось плохо для самого заказчика. Хозяину казино требовалось отыскать должников. Я все сделал. Только в результате относительно самого Хана всплыли такие вещи, что оставаться тому на земле уже никак было нельзя. И он не задержался. Он канул в небытие. Хотя от него мне и успела перепасть некоторая сумма.

Что ж, тут можно сказать только следующее. Прежде чем заказчик решит начать розыски задолжавшего, ему самому

следует хорошенько подумать — а нужно ли это? Как правило, заказчики не задаются таким вопросом. А зря.

После дела Хана я некоторое время пребывал в состоянии меланхолии. Слишком много мне пришлось пережить, выполняя его. Но в конечном итоге я пришел в норму.

Многие говорят, что кое-какие вещи забыть нельзя. Так вот. Чепуха все это. Все можно забыть. Просто на то или иное требуется свой промежуток времени. Как для разных людей разное количество допинга, чтобы свалить с ног.

Конечно, когда ты сидишь в одиночестве и минута за минутой терзаешься одним и тем же вопросом — тут совсем другое. Тут ты просто сходишь с ума. Или медленно умираешь. Но если ты что-то делаешь, двигаешься вперед — даже самое страшное забудется. И вспомнится, только когда тебе о том напомнят. А еще нужно время.

Время — лечит. Тот, кто первым это сказал, — был мудрый человек. Я вылечился. И продолжаю заниматься тем, чем занимался раньше. И даже воспоминание о Хане для меня безболезненно. Прошедший этап. Перевернутая страница книги. Клиент, который был не первым и не последним. Что не последним — уж точно.

Время — лечит. И прошлое ушло. И мысли уже о другом. Новые заботы — это как новые перспективы, которые помогают существовать дальше.

Я сидел в своей однокомнатной квартире, пил небольшими глотками коньяк и раз за разом просматривал пленку, ко-

торуую взял у Родова вместе с адаптером. Я смотрел на экран телевизора, на котором мелькали страшные кадры. И привыкнуть к тому, что девушку убивают, мне никак не удавалось. Даже коньяк не помогал.

Что-то в этой съемке меня настораживало. Я никак не мог понять — что. Нечто невидимое моему глазу? Не исключаю, что мой глаз не мог пока это воспринять.

Посему, не знаю уж после какого раза просмотра, я схватился за трубку и принялся названивать майору Довлатову — заместителю командира группы специального назначения, под началом которого я когда-то служил. Вызвонив майора, я попросил свести меня со специалистом по порнобизнесу (пообещав проставить ящик крепкого коньяка). Поворчав малость, Довлатов подыскал мне такого специалиста. Которого я и пригласил на следующий день к себе домой.

Хотя Родов и говорил, что кассету уже просмотрели спецы, — но то были его спецы. И я решил, что как-нибудь сам разберусь. Свои спецы, знаете ли, кажутся надежнее.

...Он пришел рано утром и сразу же заявил, что у него мало времени. Его внешность, на мой взгляд, была типична для сотрудника так называемого «отдела нравов», в котором он служил. Симпатяга, подтянут, гладко выбрит. Звание — старлей.

Я сразу ему сказал, что консультация частного характера. И поэтому... И поэтому я тут же выложил на стол пару купюр. Гость, представившийся Сергеем, кивнул:

— Конечно, конечно! Если консультация частного характера, то... — после этого две купюры исчезли в кармане его пиджака.

Я попросил его посмотреть кассету.

Он ее посмотрел. И сделал свои выводы.

И тогда я понял, что меня в этой порносъемке настораживало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Воронцов Илья Петрович жил в областном портовом городе на юге страны. И имел незатейливую специальность — инструктор по вождению. Впрочем вряд ли кто из жителей этого города смог бы сказать, когда и с кем данный субъект проводил уроки вождения.

Большую часть времени Илья пропадал у своей машины, белоснежного «БМВ», а также у гоночного автомобиля, находившегося в собственности у данного типа. Первая машина была для повседневного пользования. Вторая... На второй он участвовал в гонках, проводившихся в городе раз в год. Он был заядлым гонщиком, и за пять лет, которые прожил в этом городе, он умудрился выиграть соревнования дважды.

Кроме гонок, он любил рыбалку.

А вот на инструктаж по вождению времени у него не хватало. Так что данная специальность была не более чем фик-

цией.

Конечно, в таком случае вставал вопрос: а на что жил Илья Петрович? Тем более, что владел он, кроме названного автотранспорта, еще домом, едва не на самом берегу моря, катером (ну а о мелочах и речи вести не стоит). Да и был Илья далеко не стариком, и говорить о некоем заработанном капитале за многие годы жизни не приходилось.

Илье Петровичу едва перевалило за тридцать пять. Плотный, чуть выше среднего роста, лицо не примечательное — увидишь такого и тут же забудешь, как выглядел сей человек.

Он был приятен в компаниях, быстро находил дорогу к дамским сердцам и еще быстрее обратную дорогу. У него не было семьи. И никого из родных в этом городе не было.

Илья Петрович был человеком Родова. Он перебрался в этот город пять лет назад, и все эти годы негласно оставался на службе у толстяка.

Родов занимался не только недвижимостью, а и многими иными делишками, которые приносили солидную прибыль. И он не исключал, что настанет момент и придется выбирать — или ты, или тебя. И тогда потребуется киллер.

Однажды судьба свела Родова с Илей. Стрелком, мастером спорта международного класса, отслужившим в армии не кем иным, как снайпером. Воронцов Илья Петрович не волновался по поводу своего будущего. Он видел его ясно. И готов был перейти от стрельбы по картонным мишеням к стрельбе по мишеням живым. Просто нужно было дождать-

ся своего часа. Он был прирожденным убийцей.

И его час пришел.

Илья сделал работу для Родова. Тот остался доволен. Настолько, что отправил Илью на юг страны с наказом дожидаться дальнейших распоряжений.

Родов решил несколько расширить штат своих сотрудников. Раз это иногда нужно — значит, необходимо иметь личного «стирателя». Отличного профи. Коим и был Илья. Нет, Родов сразу же отмел возможность постоянно использовать Илью. Таким спецом не стоило злоупотреблять. Им следовало дорожить.

Илья стал Учителем. Родов присылал к нему парней, которых следовало подготовить и обучить тому, что знал и умел сам Илья. Затем эти парни возвращались назад. О их судьбе Илья больше не слышал. Да ему и было на них наплевать.

Вначале было невинное предложение — обучать. Воронцов согласился. После этого от Родова полгода не было известий. А затем приехал первый парень...

Родов был бизнесменом во всем. А убийство — весьма прибыльный бизнес. Толстяк стал готовить парней не для себя. Тем более, что после первого случая у него все нормализовалось. Но ведь были и другие деятели бизнеса, которые нуждались в известных услугах. А это значило деньги. На них у Родова был обостренный нюх, как у собаки на кость.

Илья знал, что приезжавших к нему парней он готовит не для Родова. Тот сам ему в этом признался.

В год к Илье приезжали двое-трое парней. Родов перед этим звонил, уведомлял, чтобы он, Илья, ждал нового «гонщика». Так Родов в шутку называл и самого Илью, и своих протеже.

Обучение длилось один-два месяца, иногда меньше, в зависимости от способностей ученика. Впрочем даже и одного обучающегося в год Илье было бы достаточно. Платил Родов за каждого «гонщика» щедро, и существовать можно было безбедно.

Итак, Воронцов Илья Петрович был гонщиком, рыбаком, числился инструктором по вождению. А в определенные моменты откладывал все свои дела, чтобы выполнить возложенную на него Родовым миссию.

Так произошло и на этот раз.

Родов позвонил. И Илье пришлось на время отложить рыбалку, спортивную машину и пышногрудую дамочку, с которой он накануне познакомился.

— Жди нового «гонщика», — слышался в трубке знакомый голос. — И вот что. Ты должен подготовить мне его на все сто. Он нужен лично для меня. Проведи занятия с практикой.

Илья нахмурился. За пять лет, что он здесь находился, Родову впервые понадобился спец для собственной персоны. Вернее, нужда в таком человеке появилась у Родова уже во второй раз. Но тогда – вначале – дело сделал лично Илья. Теперь требовался обученный им спец. Илья понимал, что лич-

но для себя Родов мог потребовать его самого. Но не стал. А это значило, что обученный спец будет обречен.

И в первый раз за пять лет требовалось обучение с практикой. Что это такое, знали только двое. Сам Илья и Родов.

2

Илья встречал своего нового ученика в аэропорту. Как, впрочем, обычно делал и ранее. Он увидел его сразу, легко выделив из разношерстной толпы прилетевших из столицы. Парню было не больше двадцати пяти. Высокий, подтянутый. Одет в черный костюм, черные же лакированные туфли. Черный галстук был приколот к рубашке позолоченной брошью. Затемненные очки в черной оправе...

Он был похож на Ли Джонса. И по одежде из фильма «Люди в черном», да и по манерам. Держа в руке черный кейс, он размашистым шагом шел по зданию аэропорта.

— Привет, Малыш, — хмыкнул Илья, перегораживая путь будущему спецу.

«Малыш» тормознул и слегка опустил голову. Илья был едва не на голову ниже его, хотя пошире в плечах.

— Меня зовут Илья, — представился Воронцов.

На парня в черном костюме он, кажется, не произвел впечатления. Скорее всего, своего учителя он представлял себе как-то иначе. Уж во всяком случае не таким.

Илья выглядел простецким парнем. Взлохмаченные воло-

сы, помятые джинсы, рубашка с короткими рукавами и выпуск. Гость из столицы не мог выдавить из себя ни слова. Будто пытался перебороть свои сомнения.

— Язычок проглотил, Малыш? — ядовито усмехнулся Илья. — Ничего не хочешь мне передать?

— Босс просил поучаствовать с вами в гонке, — выдохнул наконец парень; и как-то расслабленно опустил плечи, словно проделал только что огромную работу, которая далась ему с превеликим трудом.

— Ну вот. Теперь порядок, Малыш.

— Не называй меня Малышом, — заартачился вдруг ученик и принялся взволнованно раздувать ноздри.

— Ну?! И как же тебя в таком случае называть?

— Зови меня Люк.

— Вот оно как, — беззлобно фыркнул Илья. — Люк... Боевиков насмотрелся, красивый ты мой, а? — и, не дав ответить парню, тут же властно потребовал: — А ну-ка, повернись.

— Зачем? — не понял парень.

— Повернись, говорю, — тверже повторил Илья.

На что молодой «гонщик» попытался улыбнуться, однако, увидев серьезное лицо учителя, послушно развернулся к тому спиной.

— Нормально, — выразил удовлетворение Илья.

— Что нормально? — казалось, у парня сейчас очки спадут с носа.

— Таблички нет.

— Какой еще таблички?

— «Частные услуги киллера. Обращаться с часу до двух».

— П-п-очему с часу до двух? — заикаясь, округлил глаза будущий спец.

— Чтобы люди не отрывались от работы, приходили в обед.

— Какой, на хрен, обед? И при чем тут табличка? Что за лабуда? — наконец пришел в себя Люк.

— А вот такая лабуда, малыш...

— Не называй меня малышом, — зло прошипел парень, вмиг обретая прежний грозный вид.

— Я тебя буду называть так, как захочу. Понял? Тебе сказали, чтобы ты подчинялся?

«Малыш» тут же сник. И даже вроде уменьшился ростом.

— Как твое нормальное имя? — смягчившись, по-дружески спросил Илья.

— Леня, — и будущий киллер сразу поправился: — То есть Леонид.

— Так вот, Леонид. Вырядился ты, я тебе скажу, знатно... Может, в столице это и нормально. Но у нас твой прикид нормальным не назовешь. От тебя за версту несет гангстером. Ты и десяти шагов не пройдешь у нас в городе, как тебя остановит ментовский патруль и начнет выяснять, что за личность загадочная объявилась тут.

Леонид покрылся пятнами и стал вертеть головой, словно

наряд уже подкрадывался к нему, чтобы схватить и ткнуть мордой в землю.

— Кстати, почему Люк? — Илья решил окончательно сгладить неприятное впечатление встречи. — От своего имени, что ли?

— Ну, — протянул парень, боясь, как бы опять не попасть впросак.

— А чем тебе твое имя не нравится?

— Как-то не подходит... — Леонид пожал плечами, будто не зная, как закончить фразу.

Но Илья все хорошо понял. Этот «гонщик» был у него не первый. Они чем-то все были схожи. Они все были молоды. И уже считали себя вправе распоряжаться судьбами других.

— К твоей профессии, да? — завершил Илья и вздохнул.

Мальчишка. Считает, что у него все еще впереди. И притом самое лучшее. А на самом деле... Нет у него будущего. И впереди ничего хорошего. Да и не слишком будет долгим это самое впереди.

Леонид кивнул.

— Ты вот что, — Илья смерил взглядом своего нового ученика. — Лично я буду называть тебя по имени. Нам с тобой придется некоторое время пожить вместе. Так что ты извини. Небольшое уважение друг к другу у нас с тобой должно быть. Согласен? Вижу, согласен... Тогда следующее. Очки сними. Пиджак тоже, галстук. Рубашку расстегни, рукава закатай.

Когда распоряжения были выполнены, Илья удовлетворенно хмыкнул и, взглянув в синие бездонные глаза Леонида, удивленно отметил про себя, насколько теплый у них взгляд, и это несмотря на то, что Леонид готовится в скором времени стать профессиональным убийцей.

Илья едва не чертыхнулся:

— Пошли отсюда.

Не оглядываясь, зная, что прибывший от Родова парень не отстанет от него, Илья двинулся к выходу из зала аэровокзала.

3

— Располагайся, — небрежно бросил Илья своему гостю, подошел к окну, распахнул его: — Это мой дом, — затем он обвел рукой помещение, в котором они находились, и уточнил: — А это твоя комната.

Конечно, он мог бы добавить, что в этой комнате постоянно останавливались его ученики. До того момента, как они превращались в спецов. Только Леониду, или Люку, это знать было не обязательно.

Сколько за пять лет тут перебивало? Он не смог бы точно сказать. Он не подсчитывал количество присланных к нему Родовым людей. Илья даже старался забыть о них. После того, как те уезжали. Забыть сразу. Потому что у него была уверенность: их он больше никогда не увидит. «Это уж вряд

ли», — как сказал бы легендарный Сухов.

Они приезжали и уезжали. И он их после стирал из своей памяти.

Этот новый ученик отличался от прошлых одним. Он был нужен лично для Родова. В остальном все было, как прежде. Глина, из которой следовало слепить настоящего профи-убийцу.

Леонид положил кейс на столик, пиджак бросил на узкую кровать, туда же швырнул галстук, а затем обвел взглядом комнату и неудовлетворенно поморщился.

— Понимаю, — согласился Илья. — Не президентские апартаменты. Но здесь есть все, что необходимо.

Леонид тяжело вздохнул. То, что имелось в комнате, ему было не совсем достаточно. Кроме упомянутого стола, кровати, в помещении еще имелись тумбочка да два стула.

Однако спорить по сему поводу Люк не стал. Оставив мнение насчет нужных вещей при себе.

— Я люблю, когда мои люди ведут спартанский образ жизни, — пояснил Илья.

— Сойдет, — миролюбиво развел руками Леонид. — Как-нибудь перебьемся. Тем более, что учеба протянется не слишком долго.

— Затянуться может на два месяца. Это обычный срок.

— Но не сейчас, — позволил себе возразить Леонид. — Сейчас все будет по-другому. Мне нужно вернуться через две недели. Разве тебя не предупредили?

Люк прищурил свои синие глаза, и Илье показалось, что они несколько помутнели, стали чем-то схожи с небом, затянутым тучами.

Вот как! Две недели. Родов ничего об этом не говорил.

Но своим видом Илья недоумения не выказал.

— У тебя есть во что переодеться? — поинтересовался он, никак не отреагировав на вопрос Леонида.

Тот фыркнул, открыл кейс и, глянув внутрь, довольно произнес:

— Есть джинсы, рубашки...

— Сойдет. Переодевайся и отдыхай.

— Отдыхай? — Люк не поверил в то, что услышал; он считал, что его сразу же возьмут в оборот.

— Я именно так и сказал. В прихожей стоит доска. Можешь взять ее.

— Доска? Какая, на хрен, доска? — Леониду очень не нравилось такое к нему отношение.

— Доска — это серфинг. Сейчас на море небольшая волна. В самый раз покататься.

— Мне не нужен серфинг, — процедил сквозь зубы Леонид. — И я не умею кататься ни на каких досках.

— Жаль, — искренне посочувствовал Илья. — В таком случае просто сходи на пляж. Можешь снять там «машку». Только предохраняйся. Как понимаешь, у нас нет времени на твоё лечение — если что случится.

— Да я...

— Мы, кажется, договорились: ты будешь выполнять все, что я скажу. Или нет? Уж постарайся... малыш.

Леонид вспыхнул, но тут же взял себя в руки.

Илья словно не заметил этого. Похлопал гостя по плечу и двинулся из комнаты вон.

— Туалет и ванная через гостиную, — остановившись на пороге, изрек Илья. — Там, в ванной, найдешь полотенце и пляжные тапочки... Если что-то еще понадобится — скажешь.

— А пожрать?

— Пожрать на кухне. Правда, там не так уж много чего. Я, понимаешь ли, не люблю готовить. Но вечером мы с тобой ходим в один кабак. Есть тут на берегу. Тебе понравится... Так что к восьми постарайся вернуться.

— Не рано ли?

— Рано никогда не бывает, — нравоучительным тоном заявил Илья. — Вот поздно — да. И тогда это плохо. Ты не представляешь себе, малыш, насколько это плохо.

Илья покончил с философией и закрыл за собой дверь.

Родов позвонил около шести вечера.

Илья сидел в плетеном кресле возле входа в свой особняк и поглядывал в сторону моря; берег был в ста метрах от его жилья. В голове царила пустота, как на дне высохшего колодца.

Но когда раздался звонок, Илья решил, что теперь ему будет о чем поразмыслить. Он оказался прав.

Родов дышал тяжело. То ли от жары, которая царила в столице и о которой Илья каждый день слышал по телевизору, то ли от избытка веса.

Родов цедил слова в час по чайной ложке:

— Ты вот что... Я тебе не успел сказать. Насчет сроков. Я знаю, какие у тебя обычные. Но на этот раз все необычно. На этот раз я могу дать тебе лишь две недели.

Родов замолчал. Как бы желая услышать реакцию собеседника.

— Я знаю, — спокойно произнес Илья.

— Что ты знаешь? — Родов даже затаил дыхание, будто Илья узнал нечто такое, что ему знать никак не следовало.

— То, что на этот раз две недели.

Родов с шумом выдохнул. И закашлялся. Как туберкулезник в порыве очередного приступа. А затем облегченно продолжил:

— Ага. Значит, «гонщик» тебе уже сказал?

«Так! А ведь не это тебя вдруг обеспокоило, — пронеслось в голове у Ильи. — А что ж, интересно, я еще мог узнать?»

— Сказал, — подтвердил Илья.

— Но кое-чего он тебе сказать все же не мог.

Илья предусмотрительно промолчал. Давая возможность

Родову попыхтеть в трубку.

— Две недели — это не конечный срок, — выдал после паузы Родов. — Две недели — это в лучшем случае. «Гонщик» может мне понадобится и раньше.

— Когда раньше? — нахмурился Илья; в таком жестком режиме ему еще не приходилось работать; две недели — это уже жестко, а еще менее... пострадает качество.

— Точно не знаю. Но в любой момент я могу затребовать парня назад.

— Черт побери, — не выдержал Илья. — И вы хотите за такой срок получить специалиста?

— Хочу, дорогой. Еще как хочу. Ты и не представляешь себе насколько. И ты сделаешь это, — последние слова Родов проговорил с нажимом. — Пусть он не спит. Хотя нет. Без сна не обойтись. Тогда пусть спит поменьше. Два-три часа. А в остальное время ты его гоняй. Понял?

— Угу. Понял.

Илья хотел сказать, что загонять человека, конечно, можно. И за неделю. И за день. Только будет ли в том толк?

Но Родову было бесполезно что-либо говорить. Родов привык к тому, что его приказания выполнялись беспрекословно. И считал, что в мире нет ничего невозможного.

«Безмозглая туша», — со злостью подумал Илья. И неожиданно поймал себя на мысли, что так о своем работодателе он подумал впервые.

— Я все понял, — поспешно повторил Илья, словно ис-

пугавшись, что его мысли могут быть прочитаны собеседником.

— Я знал, что могу рассчитывать на тебя, — просипела тут же трубка. — Дерзай. И не забывай — на этот раз — с практикой...

Илья по-прежнему сидел в плетеном кресле у крыльца своего дома. Трубку радиотелефона он положил себе на колени.

Красота, которая его окружала, после разговора с Родовым не радовала глаз.

5

Леонид вернулся без десяти восемь. Раскрасневшийся, слегка запыхавшийся, словно бежал, боясь не успеть к назначенному времени.

Он успел. И был доволен. Мелкие капельки воды по всему телу. Мокрые волосы, плавки. И ясные, играющие озорным огоньком, синие глаза.

«Мальчишка», — в который раз подумал Илья. И в который раз тяжело вздохнул.

— Вот, — Леонид вернул доску, демонстрируя, что выполнил распоряжение своего учителя на все сто.

Илья лениво потянулся в кресле. И, глядя в сторону моря, без интереса спросил:

— Ну и как? Научился на ней плавать?

— Хы, — возмутился Леонид. — Научишься тут. Даже не думал, что на какой-то доске так тяжело удержаться.

— Как и везде. Как и в самой жизни, — нравоучительно проговорил Илья. — Держаться непросто.

Леонид поставил доску возле двери и посмотрел на Илью, как бы спрашивая — ну, и что дальше?

— У тебя десять минут. Одевайся и пойдем.

Илья поднялся с кресла и двинулся в сторону сада. Казалось, что к Леониду он потерял всякий интерес.

В саду у Ильи росло множество цветов. Астры, георгины, розы. Когда он покупал этот дом, цветы уже были. И он не стал от них избавляться. Тем более, что бывшие хозяева вместе с домом порекомендовали ему прекрасного садовника, который за символическую плату готов был ухаживать за всей флорой. Со временем Илья привык, как к цветам, так и к садовнику — пожилому вдовцу, жившему по соседству и приходившему к нему в одно и то же время, чтобы присмотреть за садом. Не только за цветами, но и за деревьями, плодовыми кустарниками, кои росли в усадьбе Ильи. В конце концов, не все вокруг должно быть в серых тонах, думал порой Илья, наблюдая, как распускаются крупные бутоны цветов.

Пожилой сосед в данный момент находился у него в саду. И Илья намеревался отдать некоторые распоряжения, прежде чем уйти с гостем ужинать.

Леонид управился. Он был готов через пять минут. Чер-

ные джинсы, майка. Он оделся так, как и учитель. Чем вызвал у последнего улыбку.

— У нас время до одиннадцати, — кивнул ему Илья.

— А потом что? — Леонид насторожился, словно охотник, учуявший добычу.

Но Илья его разочаровал:

— А затем спать. У нас завтра напряженный день.

— А-а... Это, — Леонид вытащил из заднего кармана джинсов очки, ловко водрузил их на переносицу. — Ты, в общем, можешь не слишком волноваться. Насчет этих двух недель. Я, в принципе, не нуждаюсь ни в какой науке. И вообще не понимаю, какого хрена меня к тебе направили.

— Понятно, — вздохнул Илья. — Считаешь, что все умеешь.

— Я умею стрелять. И очень хорошо. И метая ножи. Не хуже, чем стреляю.

— И думаешь, что этого достаточно?

— А что еще? — вспыхнул Леонид.

— Ты в людей стрелял? — Илья посмотрел Леониду в глаза; вместо глаз на него смотрели темные стекла очков; парень словно знал свое самое уязвимое место и старался его укрыть.

— Ну-у, — неуверенно произнес Леонид, как бы решая, что сейчас лучше сделать: соврать или сказать правду.

Что-либо решить ему не удалось.

— Значит — нет, — жестко ответил за него Илья и руг-

нулся про себя. — Однако считаешь, что убить сможешь, да?

— А что тут такого? — пожал плечами Леонид, будто у него спросили нечто обыденное, на чем не стоило и заострять внимание. — Нажал на спусковой крючок и все.

— Это точно. Нажимай себе на спуск и все, — с тоской в голосе выдохнул Илья. — Ну-ка, подожди...

Илья прошел к крыльцу, отодвинул рукой от входа несколько опешившего Леонида и исчез внутри дома.

Оставшись один, Леонид почувствовал себя неудобно.

Воронцов с первых же секунд их знакомства повел себя непредсказуемо. Непредсказуемо для Леонида. Илье не понравились его прикид, его поведение. А теперь и еще что-то.

Леонид ожидал возвращения Ильи не без внутреннего напряжения. Словно сейчас должна была решиться его участь. Либо он будет дальше существовать. Либо его вот сейчас и уродуют.

Илья вернулся, держа в руке знакомый Леониду предмет. Тот его ни с каким другим не мог перепутать.

Сталь «беретты» матово поблескивала в солнечном свете. Илья держал оружие за ствол и протянул его рукояткой вперед:

— Держи.

— Зачем? — не понял Леонид.

— Хочу удостовериться в твоих словах. Вон там в саду работает мой садовник. Подойди и выбей ему мозги.

— Садовнику?! — даже через стекла очков был виден ис-

пуг, мелькнувший в глазах у Леонида.

— Садовнику, садовнику, — подтвердил Илья. — Он меня уже достал. Надоел то есть. Так что можешь не волноваться. Просто замочи его и все. Закопаем его в саду и пойдем жрать.

— Но... — замялся Леонид. — При чем тут он?

— А тебе какая разница. При чем или не при чем? Я хочу, чтобы ты его мочканул. Понял? Бери пушку. Сам ведь говорил — нажимай спусковой крючок и всех делов. Или пустое?

— Запросто, — набычился тут же Леонид и едва не с остервенением схватил оружие за рукоятку.

— Вот, вот. Можешь даже попросить, чтобы он посмотрел тебе в глаза.

— А это еще зачем? — не понял Леонид.

— Ну... Кажется в фильмах так говорят. «Посмотри мне в глаза, посмотри мне в глаза», — дразнил Илья гонщика. — Вот и поглядим, насколько то верно... что так легче пустить пулю.

— Ну, раз он тебе по барабану...

— Именно по нему. Так что давай. Вперед. Может, и на самом деле не придется с тобой заниматься... Только ты вот еще что. Замочи его в упор. Понял? Прямо между глаз.

— А с дальнего что? — побледнел Леонид. — Я ведь буду работать со снайперской винтовкой.

— Кто тебе такое сказал, малыш? Тебя готовят в снайперы? Нет. Из тебя готовят убийцу. А он должен стрелять из

разного оружия. В любой обстановке. И с любого расстояния.

Илья демонстративно глянул на свои часы:

— Двигай. Некогда тут размусоливать.

Илья рухнул в свое плетеное кресло, скрестил руки на груди, как бы показывая, что будет благодарным зрителем.

Леонид сунул пистолет сзади за пояс и обреченно двинулся в сторону сада, в котором работал пожилой садовник.

Время, конечно, было потеряно. Но это того стоило. Илья не сомневался. Пусть лучше с самого начала все выяснится — на деле. В принципе, он уже знал, чем все закончится. И не ошибся.

Леонид подошел к садовнику. Тот оглянулся на шум шагов и приветливо улыбнулся. А затем по-родственному с добродушным выражением лица проговорил:

— Привет, сынок.

Рука, дернувшаяся к оружию, вмиг остановилась. Леонид застыл словно вкопанный.

— Ты новый гость Ильи Петровича? Очень рад. Ты так похож на моего сына. Ну вылитый мой сынок. Я уж по слабости зрения сначала и подумал, а не он ли на самом деле...

Садовник заулыбался еще шире. А затем с любовью принялся рассказывать Леониду о цветах, растущих в саду.

Леонид заворуженно стоял на месте. Не в силах ни что-либо сказать, ни что-либо сделать.

Илья поднялся и двинулся в сторону сада. Что ж! Садов-

ник оказался на самом деле ценным приобретением.

Старик мог сколь угодно долго разглагольствовать про свои цветы. А Леонид, вполне возможно, столько же мог стоять, не решаясь на поступок, который от него ждали. В отличие от Леонида, в случае необходимости Илья без раздумий бы снес старику полбашки.

— Спасибо, отец, — приблизившись, бросил садовнику Илья.

Старик понимающе кивнул и двинулся по дорожке в дальний конец сада.

Леонид медленно повернулся лицом к Илье. На лбу у парня выступили бисеринки пота. Илья тяжело вздохнул. И Родов хочет, чтобы он сделал из этого парнишки за две недели киллера? А то и того меньше? Совсем толстяк сбрендил.

— Дай сюда пистолет, — властно сказал он Леониду.

— Я... — прохрипел Леонид, возвращая «беретту».

— Вижу, что ты, — Илья неожиданно резко вскинул руку с оружием, приставляя дуло ко лбу Леониду. — А ну-ка, придурок, сними очки.

Рука Леонида медленно потянулась к очкам. Никогда еще он не переживал такой мгновенной смены обстановки. От необходимости убить до ощущения, что его самого сейчас прикончат.

В синих глазах застыло немое удивление и что-то вроде сожаления — нечто сделано не так.

Но Илье было плевать на глаза этого молодого парня. В

данном случае — плевать. Он без раздумий нажал на спусковой крючок.

Послышался щелчок. Леонид успел закрыть глаза. Но, кроме щелчка, ничего не было. Раздался злой голос Ильи.

— Я тебя обманул. Садовник мне еще не надоел.

Илья опустил руку с оружием. А Леонид оторопело заморгал.

— Это тебе первый урок, — Илья прямо вколачивал слова в парня. — Никогда не смотри в глаза своей жертве. Это раз. Во-вторых, когда тебе требуется убить — ты убиваешь. Для тебя, кроме команды «убей», в это время ничего не существует. Ты — машина. И еще... С этой минуты. Ты выполняешь все, что я тебе говорю, а свое мнение оставляешь при себе. Я решаю и буду решать — готов ты или нет, получится что из тебя или вообще ни хера не получится. Понял?

Леонид кивнул.

— Ни хрена ты не понял, — с чувством проговорил Илья. — Ладно. Пошли в кабак.

И все же одна положительная деталь была. О которой Илья по понятной причине не стал говорить. Леонид не выстрелил. Он не был отморозком, для которого убивать — что помочиться. Это было плюсом. Илье лишь один раз попался такой ученик, у которого была просто мания убийства. С этим субъектом Илья расстался довольно быстро, заявив Родову, что из того не получится киллера.

В этом смысле с Ильей было все в порядке. Но в другом...

Такие синие глаза. Черт побери. Вот это было нехорошо. Если не сказать больше.

6

Заведение скорее походило на кафешку, чем на ресторан. Столики под открытым небом в десяти метрах от моря. За ними, возле груды камней, раскинулся бар, возле которого на мангале готовились шашлыки и свежевывловленная рыба.

Между столиками дефилировала официантка. И суетиться в это время ей не приходилось. Людей в заведении было немного.

Илья с Леонидом могли в спокойной обстановке наслаждаться едой, пивом, плеском волн и тихой музыкой, лившейся из стоявших по углам стойки бара динамиков.

После двух бокалов пива к Леониду вернулось хорошее расположение духа, и он даже осмелился задать вопрос, который у него, кажется, так и вертелся на языке.

— Тебе многих пришлось убить?

Синие глаза так и распахнулись.

Илья неторопливо дожевал кусок рыбы и также неторопливо ответил:

— Не помню. И не запоминаю.

— И тебе это удастся? — не поверил Леонид.

— Смотря как к этому подходить, — философски заметил Илья.

— Ну, и как ты подходишь?

— Я поклонник буддизма.

— И при чем тут он? — Леонид оглянулся, словно последующий ответ не должен был услышать никто, кроме него самого; а затем, успокоенный, вновь обратил все внимание на Илью.

Илья не выражал никаких эмоций. Казалось, кроме еды, его ничего не занимает и не волнует.

— Я верю в переселение душ. Поэтому, убивая, я считаю, что даже помог человеку — быстрее закончить эту никчемную жизнь и начать новую.

— Вот так, — изумился Леонид. — Получается, что ты даже не убийца...

— Ну да. Получается, — согласился Илья, вытер салфеткой губы и подхватил бокал с пивом; а затем задал и свой вопрос: — А ты во что веришь, малыш?

— Я? — Леонид на секунду замялся. — Я атеист.

— Хм, — Илья сделал глоток и, причмокнув губами, покачал головой. — Атеист... Так не бывает. Каждый человек во что-то верит.

Он повернулся в сторону бара. Как бы говоря, что больше говорить на эту тему не хочет. Продолжала звучать мягкая музыка. И казалось, что Илья прислушивается к ней. На самом деле это было не так. На самом деле он не прислушивался. Он приглядывался. И когда раздался голос Леонида, Илья понял, что объект его наблюдения оказался в поле зре-

ния и его ученика.

— Вот это да! — приглушенно воскликнул Леонид.

Илья обернулся:

— Нравится?

— Еще бы...

Илье она тоже нравилась. Среднего роста с правильными чертами лица и с изумительной фигурой шатенка.

Она появилась здесь несколько дней назад. Но Илья сразу же обратил на нее внимание. Она приходила сюда почти в одно и то же время. Всегда садилась за ближайший к бару столик. И всегда была одна. Сидела она до закрытия заведения. Попивала коктейль и о чем-то довольно напряженно думала. Работа мысли у нее была написана на лице.

Сегодня она вновь пришла сюда и села за свой столик, который был свободен. И принялась пить свой коктейль.

На знакомство с ней Илья почему-то не решился. Хотя, конечно, мог бы подойти и попытаться завязать отношения. Но почему-то не сделал этого. Что-то Илью останавливало.

А теперь он даже был рад, что не стал предпринимать попыток познакомиться. Он наблюдал, как неотрывно глазеет на прекрасное создание Леонид, и все больше убеждался, что поступил правильно.

Это хорошо, что девчонка понравилась парню. Это значит, что условие Родова насчет практики может быть выполнено в любой момент.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. КОСАРЕВ

1

Вообще-то я не сразу предложил Сереге посмотреть кассету Родова. Он все-таки был старлей, пусть и с внешностью пай-мальчика. И служил в органах. А на кассете была записана не безобидная пирушка... Так что поначалу я хотел вообще обойтись без видеокассеты. Просто, задавая наводящие вопросы, прийти к тому, что меня интересовало. Никак не указывая на что-то, имеющееся у меня. А то чего доброго Серега не так меня поймет и заявит, что я скрываю преступление — на видеокассете оно имело место. Так мне казалось.

Однако после того, как старлей ловко сунул купюры в карман своих брюк, я подумал, что, наверное, опасаясь зря.

И Серега, словно уловив мои колебания, заявил:

— Я, в принципе, уже увольняюсь.

— Увольняешься? — занятый своими мыслями, я не сразу уловил, что он сказал.

— Ага, — приятно улыбнулся Серега. — Из милиции.

— Что так? — я с интересом посмотрел на собеседника.

— По состоянию здоровья, — небрежно бросил он и стал осматривать мою комнату, прохаживаясь по ней, как по залу музея.

Возле секции он остановился. И уставился сквозь стеклянные створки на содержимое бара. То, что там находилось, его заинтересовало, и через несколько секунд он одобритель-

но посмотрел на меня.

Надо же! По состоянию здоровья. С виду он был вполне здоров. Розовощекий. Живой блеск в глазах. Не хрипит, не кашляет. Да на нем пахать и пахать.

— И куда дальше? — я подошел к Сереге ближе.

— Да приглашает тут меня одна структурка. Деньжата обещает.

Вот! В структурке этой самой здоровье работать, конечно, позволяет.

— Выпьешь? — спросил я, видя, как Серега продолжает буравить взглядом содержимое моего бара.

Раз он увольняется, то чего уж усложнять!

Именно тогда я склонился к тому, что кассетку можно показать. Ведь этот консультант, можно сказать, уже старлей в запасе.

— Выпью, — охотно согласился гость. — И поем. Есть хочется неимоверно. Я тут с утра набегался...

Я подвинул к дивану журнальный столик. Поставил на него бутылку коньяка, бутылку вина, рюмки и двинулся на кухню за какой-нибудь закуской.

К тому времени, как я прикатил сервировочный столик из кухни в комнату, Серега успел откупорить коньяк и разлить напиток по рюмкам.

Завалить гостя закусками не получилось. Все-таки отсутствие женской руки ощущалось. Я нарезал колбасы, сыра, хлеба, открыл пару банок с ветчиной и шпротами.

Сергея тем не менее выразил очень даже здоровый энтузиазм, оценив натюрморт. Он тоже был холостяк. Это нас сближало.

Сергея выпил рюмку коньяка и набросился на еду.

Я не мешал ему. Входил в роль доброго хозяина.

Он довольно лихо расправился с ветчиной. Затем сделал себе толстый бутерброд из сыра, колбасы и шпрот (вот любители раздельного питания взорвались бы от возмущения). Мощным движением грызанул половину бутерброда, остальное положил на стол. Н-да. Увольняют по состоянию здоровья.

Проглотив еду, Сергей налил себе еще рюмку, выпил, после этого провел тыльной стороной ладони по губам и откинулся на спинку дивана.

— А теперь давай дело, — уверенно заявил он.

И это мне понравилось. Он мог оторваться от еды. От мог оторваться от коньяка. И значит — характер у человека имеется.

— Ты ведь работаешь в этом... отделе нравов? — спросил я, вставляя адаптер с миникассетой в видеомагнитофон.

— Работаю, — его губы расплылись в улыбке; словно он сам не раз участвовал в оргиях — в том самом отделе нравов.

— Я хочу кое-что показать. И услышать мнение, — и тут же добавил: — Мнение специалиста.

— Ну да, — он внимательно воззрился на экран телевизора.

Я почти не смотрел в ящик. Я успел уже просмотреть это не один раз. И особой радости просмотра мне не принесли.

Я больше смотрел на Серегу. Вот он-то был мне интересен. Особенно мне хотелось увидеть его реакцию.

И я ее увидел. Правда не знаю — реакция то была или нет. Просто он сидел спокойно. И наблюдал порнозрелище с элементами садизма, как обычную программу теленовостей.

Когда на экране замелькали полосы, он неторопливо повернул голову ко мне и спокойно спросил:

— Откуда это у тебя?

Я был готов к тому, что такой вопрос может прозвучать, и припас на данный случай незамысловатый ответ:

— Друг один нашел. И хочет знать, что бы это могло значить.

— Ну да, — не стал спорить Серега, однако нотки иронии я все-таки уловил. — Нашел... Можно кассету?

Я достал из видика адаптер, из адаптера миникассетку и вручил ее Сереге.

Тот поднес кассету ближе к глазам, долго чего-то рассматривал, придвинулся к окну и, прищурившись, на свету стал по-новому вглядываться в нее; затем принял прежнее положение и положил кассету на столик.

— Кто снимал? — деловито спросил он.

— Хотелось бы самому знать, — я уже держал кассету в руках. — Для чего, думаешь, тебя пригласил?

— Ну уж не для того, чтобы выпить и поесть, — предпо-

ложил он.

— Ты близок к истине, — подтвердил я.

Сергея расплылся в благожелательной улыбке. После чего отправил себе в рот остаток бутерброда и довольно задвигал челюстями:

— Значит, кто снимал не знаешь?

— Не знаю.

— Ага. И, конечно, кто запечатлен на пленке — тебе тоже неведомо?

— Увы. Я же говорю — пленку нашли.

— Я помню. Пленку на экспертизу дашь?

Я покачал головой. И Сергей не стал настаивать, словно заранее знал мой ответ.

— Тогда что ты от меня хочешь? — он несколько подбрался, как прыгун, готовый взять новую высоту.

— Ответы на те же вопросы, что задавал мне только что ты. Кто мог снимать эту дрянь? И что значит сама эта дрянь?

— Хм, — Сергей не спешил с ответами, глубокомысленно погладил себе подбородок, а затем заявил: — Могу сказать точно одно. Снимали любительской камерой.

Я разочарованно фыркнул:

— Тут я и сам догадался.

— Ну ты же против экспертизы, так что извини, — Сергей развел руки в стороны. — Вот так на глаз... Могу сказать еще. Эта запись может что-то значить, а может и не значить.

Я задумался. Мне казалось, кассета удовлетворяет только

первому выводу — она что-то значит. Однако у Сереги на этот счет были совсем иные мысли.

— Я повидал за время своей службы много всякой порногадости, — продолжил тем временем Серега. — И в натуре. И на кассетах. Но могу сказать определенно — такого мне еще не приходилось видеть. Разные там садомазохистские штучки, типа стеганья нагайкой, таскания на поводке, небольшие истязания — это было. Но вот чтобы в конце концов убивали... Хм. Очень, я скажу, натурально убивают эту девчонку.

— Что значит, очень натурально?

— То и значит. Вполне возможно, у нас появились клиенты, которых обычные мазохистские штучки уже не удовлетворяют. Им хочется чего-то более забористого...

— Убийства, да? — догадался я.

— Вот именно. Они хотят ощущений покруче.

— Ты хочешь сказать, что это могли снять для кого-то?

— Вполне. Если кому-то захотелось новых зрелищ и у него имеются деньги, то...

— То ему снимают. Получается то, что на пленке, — просто спектакль?

— Ну да, — удовлетворенно констатировал Серега. — Клиент заплатил бабки. Указал, что ему надо. И пожалуйста — можете наслаждаться заказанным зрелищем.

— Неужели можно вот так правдоподобно снять полосование ножом? — не поверил я.

— Все возможно.

— То есть... То есть девушка на самом деле, может, и жива. Она просто сыграла роль — и все. Да?

— Может, и жива. Я же говорю — эта кассета может что-то значить, а может и нет. Вполне возможно, что это просто очередной порнофильм, снятый для единственного человека — любителя подобных штучек. Лично мне таких фильмов видеть не приходилось. Но это не значит, что их не может быть.

— И все же... — не сдавался я.

Сергея не дал мне продолжить.

— Но, — он со значением поднял указательный палец. — Если это обычный порнофильм, не в смысле по сюжету, — по сюжету он как раз необычен, — а по своей принадлежности к порно, — то сразу же возникает вопрос. Почему его снимали на любительскую видеокамеру? Такие вещи снимают как раз профессиональной камерой.

— Да. Интересно. Почему?

— Может, кто-то просто решил попробовать себя в новом деле? Ну прежде чем покупать профессиональное оборудование. Для начала, дескать, и любительской достаточно... Это, конечно, малоубедительно, — но быть может. Чудиков у нас хватает. И тогда вновь вывод — пленка ничего не значит. Просто порно и все.

— Вот именно, малоубедительно, — не удержался я; налил себе коньяка и одним глотком осушил рюмку, стало лег-

че; и я повел наступление по-новому. — Перейдем лучше к более убедительному.

— Не знаю, что ты понимаешь под словами «более убедительному», но... Запись на кассете может кое-что значить. Если то, что на ней записано, не заранее отрепетированный спектакль.

— То есть такое могло происходить в действительности?

— А вот тогда эта кассета — улика преступления, — нахмурился мой собеседник.

— Ну мы еще не знаем точно, — попытался смягчить ситуацию я.

— Ты правильно сказал — запись очень правдоподобна. И в связи с этим меня смущает один нюансик. Ты не приметил некую матовость изображения? А в отдельные моменты мелькали блики?

Конечно! Вот что меня смутило. Вот что мне казалось не в порядке. И до чего я не смог дойти своим умом.

Но Серега дошел, опытом.

— Снимали через стекло. Понимаешь? — Серега, увлеченный разговором, даже подался ко мне.

— То есть через окно, — уточнил я.

— Я этого не сказал, — пожал плечами мой гость. — Но как одна из версий вполне проходит.

— В таком случае, — сделал я логический вывод, — получается, что съемку могли производить скрыто. То есть: ни горилла, ни девушка могли не знать о том, что их снимают.

Я вдруг вспомнил последний кадр — и это воспоминание не принесло мне удовольствия. Горилла поворачивается и машет рукой с ножом в сторону объектива. Получается, он заметил, что его снимают? Или что-то другое?

Сергея словно уловил сомнения, появившиеся у меня в душе:

— Видишь ли. Если это так... Если производилась скрытая съемка, то тогда опять же возникает масса вопросов. Что хотел запечатлеть снимающий? Настоящий акт изуверства? Или его имитацию? И знаешь, я не хотел бы развивать эту тему. Я дал тебе направления — и достаточно.

— Боишься, что первое может оказаться верным?

— Я — мент. Пусть и увольняющийся. А ты друг Довлатова. И именно поэтому я здесь.

— А могло быть что-то иначе? — прикинул я.

— Могло. Что-то могло, — Сергей не стал уточнять.

— Ты мог бы не есть и не пить у меня, — хмыкнул я.

— И это тоже, — серьезно заявил он и тут же расслабленно откинулся на спинку дивана. — Ты по-прежнему не желаешь отдать кассету на экспертизу?

— К сожалению.

Сергея пожал плечами, налил себе коньяка, выпил и закусил ломтем ветчины. Я был другом Довлатова. А поэтому Сергей не отказывался откусать, отпить у меня и дать консультацию.

— А тебе не кажется, — с расстановкой произнес я, —

что если кто-то снимал скрыто, то версию насчет заказного порнофильма можно отбросить?

— Я бы не стал, — жуя произнес Серега. — Вот так сразу не стал бы. Видишь ли, я мог что-либо упустить. Вот если бы кассету хорошенько изучить... Но ты отказываешься. Поэтому два варианта имеют право на жизнь. А может... Может, и тот и другой совсем не то, что мы думаем. Или не совсем то. Слишком мало фактов. Кроме самой пленки — ничего.

Я не мог даже представить себе тогда, насколько слова Сереги окажутся пророческими.

— Слушай, — встрепенулся тут мой гость. — А что ты вообще хочешь найти?

— Вопросик, — почесал я себе затылок. — Хочешь верь, хочешь нет — я и сам толком не знаю.

— Считай, что поверил, — Серега хлопнул еще одну рюмку коньяка, закусил и поднялся. — За консультацию я получил, — он похлопал себя по карману брюк. — А поэтому считаю своим долгом тебе еще кое-что сообщить. Я дам адресок одного человека. Он когда-то занимался порноиндустрией. Сейчас уже на «пенсии». Но связи у него сохранились. И информацией он обладает довольно обширной. Скажешь, от меня... Он помнит.

Серега чему-то сладко улыбнулся. И тут же посерьезнел.

— И еще дам один адресок. Мадам. Она расскажет о проститутках. О многих, если не о всех.

— Тоже сказать, от тебя?

— Вот уж нет, — хмыкнул Серега. — Вот тут лучше не надо. Сам как-нибудь представишься.

Я с благодарностью принял от него эти дары.

— И еще, — уже у порога проговорил Сергей. — Насчет девушки, — он нахмурился. — Ну той, что на кассете... Ты ее точно не знаешь?

— Я никого не знаю. Ни того, кто снимал, ни самих снятых.

Серега одобрительно кивнул. И закончил:

— Попробуй узнать о пропавших и числящихся в розыске девицах. Через Довлатова или еще через кого. Но это — не через меня. Понятно?

Мне было понятно. Серега увольнялся. И ему незачем был весь этот геморрой. Этот геморрой нужен был мне. И избавиться от него я должен был собственными силами.

Серега ушел. Розовощекий, пышущий здоровьем, которое на новом рабочем месте ему еще послужит долгие годы.

Я остался один. Со старыми вопросами. И с появившимися новыми. На которые предстояло найти ответы.

2

Конечно, было бы здорово просмотреть в милиции информацию о пропавших за последние полгода девушках. Всего за полгода — тот срок, за который Киря успел поактивничать в городе, поработав на Родова и кое-что прибрав

к своим рукам. Кое-что очень ценное. Иначе Родов за ним не охотился бы.

Было бы, без сомнения, здорово. Но для этого нужно было опять обращаться к Довлатову. Плюс пришлось бы с видеокассеты сделать фотографию девчонки, над которой измывался тот ублюдок. Чтобы можно было сличать ее с пропавшими.

Я подумал, что новая моя просьба будет для Довлатова уже слишком. И решил пока пойти другим путем... Через знатока порноиндустрии. К нему я и двинулся ближе к вечеру.

Он жил в центре города, в пятиэтажке сталинских времен. Мне открыл дверь низенького роста примерно пятидесятилетний человек в домашнем халате и тапочках. Рядом с ним, высунув язык, нетерпеливо переминался породистый пес (породы которого я не знаю), с жадностью пожиравший меня злыми глазищами, словно уже заполучил часть моей персоны на ужин.

Когда я сообщил, что от Сереги, хозяин квартиры грустно вздохнул и сурово цыкнул на собаку.

Пес был явно разочарован.

— Ну, и как там Сергей? — без всякого энтузиазма поинтересовался человек, пропуская меня в квартиру.

Я сообщил, что, по моему мнению, он процветает.

— Я и не сомневался в этом, — бросил хозяин квартиры, закрывая за мной дверь; затем он завел пса в одну из комнат

и закрыл его там; после чего вернулся ко мне.

— Прошу, — указал он рукой направление.

Мы прошли гостиную и по обстановке я понял, что порноиндустрия дает вполне приличный навар. Мы оказались в столовой — уютной, сияющей белизной.

— Садитесь, — хозяин квартиры заваривал кофе.

Я уселся у стола на угловом диване. И, положив руки на стол, стал терпеливо ждать, когда можно начать интересующий меня разговор.

По той информации, которую мне дал Сергей, этого человека звали Рудольф Анатольевич. Рудольф был маленького роста и лыс. Совершенно лыс. На его лысине играли тусклые блики от лучей солнца, проникающих через раскрытое окно.

Рудольф поставил две чашки с блюдами на стол и уселся напротив меня.

— Ну-с, — вскинул глаза он. — И что на этот раз хочет Сергей?

По всей видимости, Серега довольно часто использовал этого человека в своих целях. И по всей видимости, этот человек не мог отказать Сереге. Значит, тот что-то такое сделал для Рудольфа, что-то, после чего Рудольф стал сильно обязан ему.

— Он хочет, чтобы вы кое-что посмотрели, — я достал из пакета адаптер — минивидеокассета уже была в нем.

Рудольф сначала извлек из адаптера кассету, повертел ее в руке, затем вставил на прежнее место и лишь после этого

потянулся к «видеодвойке».

На экране замелькал знакомый сюжет. А я больше поглядывал на Рудольфа. Мне был интересен он. И интересна его реакция. У Сереги она была вполне спокойной. Я ожидал, что у Рудольфа будет по-другому.

Я ошибся.

Рудольф спокойно просмотрел видеозапись, достал кассету и выключил телевизор. Кассету он положил на стол возле меня, а сам, как ни в чем не бывало, принялся неторопливо отхлебывать из чашки.

Я сдержался, чтобы не выдать своего нетерпения, и последовал примеру хозяина квартиры. Сделал глоток, отметил про себя, что знаток порноиндустрии неплохо разбирается в кофе, и перевел взгляд на раскрытое окно, как бы принимая участие в игре под названием «молчанка».

У Рудольфа нервы оказались менее крепкими.

Он поставил чашку на блюдце:

— Я посмотрел.

А я кивнул. В том, что он посмотрел, у меня сомнений не было.

Он, разумеется, понял, что я от него совсем не этого жду, поэтому продолжил:

— Так что хочет от меня Сергей?

— Кто мог снять Это? И кто в кадре?

Рудольф хмыкнул и посмотрел на меня внимательно, будто пытаюсь понять — насколько мне можно доверять.

— А вы не знаете сами?

— Нет, — покачал головой я.

— В таком случае откуда у вас эта кассета? — он прищурил глаза.

Было бы ненормально, если бы он не спросил об этом.

— Мы ее чисто случайно обнаружили, — я без угрызения совести приплел к кассете Серегу; полагаю, старлей будет не в обиде; все равно ему уже не работать в милиции.

— Чисто случайно? — не поверил Рудольф. — И где же?

— Скажем так — в одном месте. И теперь хотели бы знать, что она значит.

— То есть вы не знаете, к кому и к чему ее пришить, так? — высказал догадку Рудольф.

— В некотором роде, — не стал спорить я.

— Это так, — поправил меня хозяин квартиры. — А отчего сам Сергей не изволил прийти ко мне?

— Он сейчас разрабатывает одну глобальную проблему, — соврал я (проблема заключалась в том, как быстрее перейти на более денежную работу).

— Глобальную, — понимающе протянул Рудольф, словно относительно Сереги ему все было известно. — Насколько я его знаю, он всегда разрабатывал нечто глобальное. Таков уж Сергей.

— Да. Таков уж он... Так что по поводу кассеты?

— А у вас самих никаких версий?

— Ну... — протянул я и в следующие несколько минут ко-

ротко изложил соображения, родившиеся на свет в процессе беседы с Серегой.

Рудольф опять выказал неторопливость. Он допил кофе, аккуратно вытер салфеткой губы и после этого довольно констатировал:

— Неплохо.

— Если насчет кофе — то я согласен, — сделал комплимент я.

— Нет, не насчет кофе. Хотя кофе, конечно, тоже неплох. Плохого я у себя не держу.

У меня не было оснований в этом сомневаться. Поэтому я терпеливо слушал дальше.

— Все, что я могу, — продолжил Рудольф, — это подбросить к вашим версиям парочку своих.

— И все? — я отказывался верить в то, что услышал; мне казалось, что версий уже предостаточно; хотелось определенности.

— И все, — кивнул Рудольф. — По первому вашему вопросу. Я не знаю, кто мог снять эту вакханалию. Я знаю людей, занимающихся порносъёмками. И из тех, кого знаю, — никто на таких сюжетах не специализируется. У нас таких мастаков нет.

— У нас?

— У нас, у нас, — с ухмылочкой подтвердил Рудольф. — То есть садомазохизм у нас снимается. Но обычный — игры с плеткой или нанесение кровоточащих царапин, но... кром-

сание... Нет. Могу сказать со всей определенностью. А вот на некоторых западных киностудиях что-то подобное делается. Так называемый супертяжелый секс. Снимают очень мало. Потому как категория таких извращенцев незначительна. Слишком, я бы даже сказал, индивидуально снимают.

— Но ведь это снято не там, — я неопределенно махнул рукой и слегка повысил голос.

— Я и говорю — не знаю, — Рудольф перевел дыхание и перешел к следующему. — По второму вопросу. Кто снят, мне неизвестно. А под маской гориллы может быть кто угодно. Маска слишком часто встречающийся реквизит в таких ситуациях.

Рудольф внимательно посмотрел на меня, будто оценивая — дошли до меня его слова или нет.

— А теперь о версиях. У кого возникло предположение насчет окна? У Сергея?

— Не совсем, — сказал сущую правду я. — Серега высказал мнение, что снимали через стекло. Окно — мое изображение.

— Ага. Тогда понятно.

— Что понятно?

— Ход мыслей ваших понятен, — подвел черту Рудольф. — Стекло — это одно. Небольшая матовость, в отдельные моменты блики — это ясно. Это логичное умозаключение.

Кажется, Рудольф собирался выставить меня в нелестном свете. Вот лысый порноделец.

— Вы не думайте, — счел необходимым оговориться он.

— Я не хотел вас обидеть. Я просто говорю очевидные вещи.

— И какие же они очевидные?

— Вы прислушивались к звуку на кассете?

— К звуку? Звук как звук, — пожал плечами я.

— В том-то и дело, — довольно резюмировал Рудольф.

— Звук нормальный. А если бы запись шла через окно — скорее всего, звука не было бы никакого. В крайнем случае, не при записи через любительскую камеру.

— Может, окно было открыто? Или форточка, — высказал предположение я.

— Если бы было открыто окно — это попало бы в кадр. А при одной открытой форточке звук все равно будет не тот. Поверьте уж мне...

Он запнулся. И мне показалось, что он хотел добавить: «старому порносьемщику». Но, видно, постеснялся. И я зло-радно усмехнулся. Верить я ему не собирался. Доверие в наше время слишком большая роскошь. А вот здравые суждения послушать — это пожалуйста.

— Тогда через какое стекло могли снимать? — не выдержал я.

— А вот этого я не знаю. Думайте. Решайте.

Ага. «Думайте сами, решайте сами...»

— И еще, — торопливо проговорил Рудольф, словно испугавшись, что ему могли не дать закончить. — По поводу того, что герои сюжета могли не знать о съемке... Не обяза-

тельно оба могли не знать. Вполне возможно, только девушка. Она могла не догадываться о своей участи. А вот этот... в маске гориллы — этот вполне мог знать... Но то, конечно, в том случае, если съемка производилась натурально. Вы меня понимаете?

Я его понимал. Он не желал брать на себя ответственность и утверждать, что все снятое на видеопленку — не спектакль. Тем паче, что и тот же Серега данный вопрос оставил открытым. Все может быть.

— И что вы мне посоветуете? — я пытался получить хоть какую-то путеводную нить.

— Что посоветую? Ничего. Я не знаю, что тут вам посоветовать. Если бы это была обычная порнопродукция — я бы вам, конечно, посоветовал. Но здесь... Я уже стар и мне незачем юлить. Я высказал свои предположения — и это все, чем я могу на данном этапе вам помочь.

— На данном?

— Ну, если у вас есть еще что-то, кроме кассеты... Но если только это — тогда все.

У меня было только это. О Родове я, конечно, говорить не мог. А поэтому на самом деле — все.

Я ушел от Рудольфа с очередным набором вопросов. И с чувством, что если и дальше так пойдет, то ноша может оказаться для меня слишком тяжелой. И чего доброго я надорвусь.

Оказавшись дома, я первым делом выпил пару бокалов вина. Для улучшения мозговой деятельности.

Никакого такого улучшения я не почувствовал. А вот неудовлетворение — да.

Сидя на диване, я хмуро смотрел в пустой бокал, который механически вертел в руке, и силился сопоставить имеющиеся у меня факты один с другим.

Сопоставлять было тяжело. Потому что фактов как таковых у меня и не имелось. Лишь предположения. А вот они... Неизвестно: приведут меня куда-нибудь или нет.

В этом я почему-то стал не на шутку сомневаться.

Мне нужно было найти Кирию. Этого урода, как любовно называл его работодатель. Бывший его работодатель. Кирия уволился по собственному желанию. Взяв не те «отходные».

И вот я терзаюсь над этой видеокассетой, а в конечном итоге может оказаться, что терзаюсь я зря. Может, эта кассета ни хрена и не значит. Хотя, конечно, если не значит, то зачем держать ее в сейфе. И все же.

Мысль, что я попусту трачу время, маясь с порнозаписью, меня стала тревожить.

Может, ну ее к дьяволу эту пленку, и начать заниматься, как положено, Кирей? То бишь отыскать его «контакты», узнать о нем побольше — может, даже смотаться в родную его Орловскую губернию и там поразнюхать. А пленка...

Оставалась Мадам. Второй человек, которого мне рекомендовал посетить Серега.

Я решил, меня не убудет от того, что я схожу к этой самой Мадам. Раз уж начал с этой пленки...

У двери позвонили.

Я нахмурился. Никого я сегодня к себе не приглашал и не ждал. Отставив стакан на пол, я двинулся в прихожую.

Взглянув в глазок, я тяжело вздохнул. У порога стояли две мои старые знакомые шлюшки и многообещающе усмехались.

Впускать мне их не хотелось. После многоразового просмотра кассеты с извращениями на секс меня не тянуло. Я уже готов был на цыпочках убраться от двери и выждать, когда те уберутся, но... Не тут-то было.

— Игорек! — услышал я через дверь.

Наверняка эти монстры в юбках слышали мои шаги. Значит, не уберутся. Значит, будут торчать под дверьми и звать меня, пока не поднимут на ноги всех жильцов.

Вот уж внимания соседей мне только и не хватало.

Обреченно вздохнув, я открыл дверь, и сразу же две красотки рухнули мне на грудь.

— Игорюня, блин, — пропела одна и лизнула меня в шею.
— Ты пьяных женщин заказывал?

— Не имел желаний, — честно признался я, пытаюсь одной рукой освободиться от дамочек, а второй закрыть дверь.

Дверь закрыть мне удалось. А вот освободиться — тут бы-

ли проблемы.

— Ты его никогда и не имел, — хихикнула другая.

— А все равно, — та, что у меня спрашивала, оторвалась-таки от меня и двинулась в комнату. — Мы уже выпили. И пришли.

И тут же стала стаскивать с себя платье, обнажая довольно приличную фигурку.

Вторая тоже отвязалась от меня и последовала за своей подругой.

Две обнажающиеся девицы — это уже слишком. Я стал забывать обо всем, что мне сегодня пришлось перенести. Я не был импотентом, потому...

— Ты тут-ка один-одинешенек, — озиралась одна из крошек, разбрасывая одежку по углам комнаты. — И мы такие одинешенькие...

— А щаса как спаримся, — вторила другая.

— А потوما спиртонемся...

— А потوما еще раз спаримся. И пирамиду построим...

— Любовный треугольник...

Что ж. Я понял: на целую ночь график мой расписан.

С каким видом я отправлюсь на встречу с Мадам, об этом в тот момент я даже и не думал.

Но встреча с Мадам у меня-таки состоялась.

И принесла, в отличие от других, плоды.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Следующие три дня слились для Леонида в один.

Ровно в пять утра легким тычком в бок Илья поднимал Леонида и давал пятнадцать минут на приведение себя в порядок. Это приведение сводилось к следующему — принятие холодного душа, туалет и облачение в спортивную одежду. Еще десять минут уходило на легкий завтрак. После чего Леонид садился в машину, в которой его уже ждал Воронцов. Тот не был в спортивной одежде. А в своей обычной — джинсы и майка.

В багажнике машины Леонида ждала сумка со всем необходимым: знакомой парню «береттой», автоматом-пистолетом «узи» и запасными комплектами патронов к данному оружию. Все это Илья хранил у себя в тайнике в погребе (там же находились еще несколько стволов).

На машине они подъезжали к пустынному уголку на берегу моря, где среди скал их поджидал катер Ильи, пересаживались в катер и еще через двадцать минут доплывали до небольшого безлюдного островка, заросшего деревьями. И на нем начиналось самое главное...

Пробежка по берегу вокруг острова. Бегал, естественно, Леонид. Илья, сместив козырек бейсболки на затылок, с секундомером стоял возле катера и отсчитывал время. Если время его не устраивало, он заставлял Илью отжиматься от песка, а затем вновь бежать.

Когда язык у Леонида уже был на боку, Илья заставлял парня раздеться и плыть до означенного им места. По возвращении — вновь бег.

После того, как Леонид валился на песок, Илья милостиво разрешал ученику отдохнуть с полчаса. А сам за то время подготавливал новое поле деятельности.

На первых порах это поле казалось Леониду несколько легче предыдущего. Но это только на первых.

Сначала — была просто пристрелка. Под надзором учителя Леонид разбирал и собирал пистолет. Затем показывал навыки стрельбы. Которые у него были до встречи с Ильей. Илья удовлетворенно кивал и вносил поправки в уже имеющиеся знания своего нового ученика. И вновь пристрелка. Это было обязательно...

В лесу Илья устанавливал мишени. Потом, снабдив Леонида «береттой», «узи», спецножами, давал команду вперед. После чего отмечал время.

Мишени следовало поразить все. Пулей, ножом. Не важно. Главное, чтобы метко и быстро.

Если время Илье не нравилось, Леонид начинал все заново.

Вот она карусель...

Мишень — выстрел. И бегом. Треск. Под ноги попала ветка. Леонид не удерживается на ногах и скатывается по небольшому склону вниз. Чертыхается. Время потеряно.

Еще мишень — короткая очередь. И бегом, бегом... Что-

бы уложиться. Иначе — опять все сначала.

Полет ножа — проклятье, острое застревает не в центре, а в «молоке». Значит, можно уже не торопиться, все равно начинать по-новому.

Илья отмечает время. Качает неудовлетворенно головой, идет смотреть мишени, еще больше хмурится и...

— Куда девалось твое умение стрелять? И метать ножи? Еще раз такое — и ночной сон отменяется.

Леонид скрежещет зубами. Однако молчит. Он дал слово — выполнять все, что скажет Илья. Да ему иначе и нельзя. Просто так ему нельзя возвращаться.

И вновь бросок в лес...

Илья удовлетворенно останавливает секундомер. Время как раз подходит к обеду.

Походный термос. В нем суп. В другом термосе — картошка и мясо. Из напитков — соки. Все это Илья заранее заказывает в кафе. И вечером ему это приносят на дом.

После обеда — отдых. Для Леонида. Илья в это время начинает цикл своих лекций. Об оружии. О психологических аспектах при выполнении заказа.

Вначале Леонид слушает своего учителя краем уха. Хочется поспать. Особенно после сытной еды. Однако затем он понимает свою оплошность. Потому как Илья требует в конце своих уроков, чтобы тот вкратце повторил, что ему было сказано. Плохо — на песок и отжимайся.

После — легкий бег. Вновь по берегу вокруг острова.

К моменту окончания пробежки Илья уже подготавливает новый рубеж.

Запахавшемуся от бега Леониду дается в руки оружие. На небольшом пригорке стоят на одинаковом расстоянии друг от друга пивные банки.

Пук! Пук!

«Беретта» снабжена глушителем. Илье не нужно, чтобы был шум. Даже несмотря на то, что остров находится довольно далеко от материка.

Рука после кросса дрожит. И не все банки сразу падают. А это значит... Бегом на пригорок, самому ставить новый ряд мишеней — и вновь палить.

— Неплохо, — оценил в первый день Илья. — Но и не отлично.

После чего следующий краткий курс: как лучше держать оружие; как нажимать на спусковой крючок, как ловить мишень на мушку, когда рука дрожит и когда перед глазами радужные круги.

Домой Леонид возвращается выжатый как лимон. Падает на кровать и тут же засыпает. Чтобы ровно в пять вновь быть на ногах.

Через три дня, который был как один, все завершилось. Илья объявил об окончании учебы.

— Мы закончили обучение? — не поверил своим ушам Леонид, стоя возле катера и переводя дыхание.

Солнце клонилось за горизонт, раскрашивая ярко-красным причудливым светом гладь моря.

— Завершен первый этап, — поправился Илья.

И Леонид сник. С ужасом представив, что может быть на последующих этапах. Так он и до конца не доживет. На фига такое обучение?

— Извини, малыш, — тут же смягчился Илья. — Но я здесь не виноват. Приказ — в жестком режиме. Так что уж ты терпи. Сам ведь знаешь — времени мало.

— Я разве плохо стреляю? — не понял Леонид; ему казалось, что это самое главное.

— Неплохо. С самого первого дня. Ты еще до встречи со мной успел набить руку. Иначе бы не попал в первый же день по мишеням. Но ты не очень точно поражал цели. А сейчас поражаешь их отлично. И независимо от того, в каком состоянии находишься — усталый или отдохнувший...

— И что теперь?

— Теперь? — Илья посмотрел на темнеющее небо, словно где-то там, высоко, был готов ответ на этот вопрос. — Сегодня вечером в кабак. Завтра — полдня на отдых.

— А потом?

— Будет тебе и потом, — уверенно заявил Илья, загружая вещи в катер.

Они сидели в том же кафе на берегу моря. Играла минорная музыка, между столиков дефилировала официантка, поигрывая бедрами. По-прежнему было мало людей. И, как и раньше, они заказали себе пива и по порции жареной рыбы.

После первого же бокала Леонид почувствовал, как слегка захмелел, и глаза стали сами собой закрываться. Ему захотелось попросить Илью поскорее вернуться домой. Раз завтра полдня на отдых — то спать. Как можно больше времени на сон.

Но попросить он не успел.

Потому что появилась она. Привлекательная шатенка уселась за свой столик и заказала, как обычно, коктейль.

Илья увидел, как напряглось лицо у его ученика, как в синих глазах заискрились огоньки желания, и усмехнулся:
— Старая знакомая?

Леонид потупился, словно подросток, уличенный в подглядывании.

— Она всегда одна? — Леонид старался придать голосу безразличный тон.

— Насколько я заметил — всегда.

Илья задумался. То, что эта девчонка изо дня в день приходила одна, представлялось необычным. Она была красива. А значит, отбоя от кавалеров у нее не должно было быть. Но это и хорошо, что она одна. И что он с ней так и не позна-

комился.

Леонид отпил от другого бокала половину, и это придало ему уверенности. Он поднялся. Теперь он уже не был похож на нашкодившего школьника. А походил на вполне зрелого мужа.

— Ты куда? — вздрогнул Илья.

— Ну раз у меня завтра отдых... — начал Леонид.

Но Илья перебил:

— Сядь. Сперма закипела?

Леонид насупился. И хотел было уже что-то сказать насчет своей личной жизни, однако не успел. Илья и здесь не дал ему высказаться:

— Вижу, девчонка понравилась. Не спорю — хороша. Но режим нарушать — это, в свою очередь, плохо. Ты как спортсмен.

— Спортсменам разрешается снять напряжение, — деловито заявил Леонид.

— У тебя напряжение? — ядовито скривил губы Илья. — Значит, мало гонял. Может, мне отменить отдых?

Леонид совсем скис.

— Вот что, малыш. Я не против здорового секса. Но не сейчас.

Илья достал бумажник, вытащил из него несколько купюр и бросил их на столик.

— Допивай пиво и пошли.

Леонид допил. И вновь посмотрел в сторону девушки. Та

по-прежнему сидела одна за столиком и лениво тянула коктейль, о чем-то раздумывая.

— И когда это наступит? — спросил Леонид, поднимаясь.

— Что — это? — не понял сразу Илья, вставая следом за своим учеником.

— «Сейчас».

— Скоро. Уже очень скоро.

Если бы Леонид знал, что принесет ему «скоро», то, наверное, уже в данную минуту постарался бы выкинуть эту девушку из головы.

4

Илья сдержал обещание. И следующие полдня Леонид отсыпался.

А затем его ждали новые испытания.

После обеда они двинулись по старому маршруту — на островок. Экипировка у них была прежней. Но сегодня с ними был пес. Доверчивая дворняга, которая в машине сидела на заднем сиденье, а на катере — в каюте.

Пес не лаял, не скулил, лишь часто дышал, высунув язык, и все смотрел на людей, словно хотел сказать спасибо — за то, что накормили его и не прогнали.

Если бы пес мог догадываться о том, что его ждало, он бы, конечно, иначе отнесся к этим людям. И уж помойку посчитал бы предпочтительным вариантом.

Для чего Илье понадобился пес, Леонид узнал лишь на острове.

Погода стояла, как и в другие дни, которые он провел в этом городе, — жаркая и без дождей. Ветерок изредка набегал со стороны моря. И лишь на мгновение.

Около двух часов Илья провел в беседе с Леонидом. На этот раз разговор шел о жертвах. О жертвах киллера. О психологическом аспекте в этой связке — киллер и жертва.

Закончил Илья следующим:

— Надеюсь, ты понял, как вести себя, когда требуется кого-то убрать.

Ответ требовался положительный. Иначе Илья готов был повторить лекцию. И ответ этот он получил.

Леонид удовлетворенно кивнул.

— Держи пушку, — «беретта» мягко легла в ладонь Леониду. — А вон собака. Считай — это твой первый заказ. На живое существо. Собака нам не нужна. Вперед. Только не так, как с садовником.

После этих слов Илья отошел к катеру и стал внимательно наблюдать за своим учеником.

Леонид не подал вида, что последняя реплика Ильи ему пришлась не по душе.

Собака сидела в десяти метрах от Леонида, склонив голову набок и высунув язык. Внимательно глядела на человека.

Сжав рукоятку пистолета, Леонид шагнул вперед. Он старался все делать так, как его учил Илья. Он не думал о соба-

ке, представляя ее неким неодушевленным предметом. Это просто бесформенная масса — без глаз, языка.

Пес встал на четыре лапы. Ему показалось, человек собирается что-то ему дать. Может быть, аппетитную косточку.

Рука слегка дрогнула, когда приподнималась. Доверчивые глаза собаки все же успели резануть по сердцу, прежде чем он нажал на спусковой крючок.

Пук!

Голова пса брызнула кровавой кашей.

Пук!

Новый фонтан ударил в песок. Животное затихло.

Леонид развернулся и двинулся назад. К катеру, возле которого его ждал Илья.

Илья продолжал внимательно наблюдать за учеником.

Леонид присел возле воды и ополоснул лицо, а когда поднял голову, Воронцов заметил, что синие глаза у парня изменились — они как бы потемнели.

— Возьми лопату, — велел Илья, — и закопай собаку.

На сегодня было все.

Поздним вечером, когда Леонид уже рухнул на кровать и заснул, а Илья сидел в плетеном кресле у крыльца, позвонил Родов.

Отвлечись от созерцания звездного неба, Илья взял трубку радиотелефона.

— Привет, гонщик, — запыхтел Родов.

И Илья представил, как тот сейчас посасывает свою си-

гару. Сколько он помнил, Родов всегда смолил. Как он еще был жив?

Но Родов жил. И здоровствовал.

— Как там продвигаются дела? — нетерпеливо спросил он.

— Вам уже нужен ваш человек?

— Ну, — протянул Родов, а затем, поколебавшись, бросил: — Еще нет. Но узнать, как идут дела, я ведь могу, а?

— Да, конечно, — не стал спорить Илья. — Узнать вы можете.

— Так что ты мне скажешь?

— Думаю, я буду готов. И ваш человек тоже. К тому времени, когда вы скажете.

— Это хорошо, — пропыхтел в трубку тяжелый голос. — Этим ты меня порадовал. Надеюсь, насчет условий ты не забыл?

— Я никогда ничего не забываю.

— Это тоже правильно. Нужно помнить, что тебе говорят, — подтвердил Родов жестко. — Значит, все в порядке?

Ишь, беспокоится! И что же тебя так напрягает? Кто тебе наступил на мозоль?

— Все в порядке.

— Ну тогда, давай. Раз в порядке — тогда пока.

И он дал отбой. Довольно резко. Илья подумал, что Родов просто упустил трубку из рук.

Тому тяжело было вообще что-то держать в руках. Кроме

сигары.

Илья положил трубку к своим ногам. Завтра должен был закончиться второй этап ускоренного обучения Леонида.

И наступит основной. Последний.

Он посмотрел на звездное небо. Но думать о чем-либо после звонка Родова уже не хотелось. Даже несмотря на красоту вечера.

5

На этот раз была свора. Шесть здоровых псов, выкупленных Ильей у ловцов бездомных животных и помещенных в две клетки. Эти клетки помогли загрузить на машину те же ловцы; они же и перетащили их на катер, который пришлось подогнать к новому месту у берега.

С катера клетки они снимали уже вдвоем. Поставили их на некотором отдалении друг от друга. Псы при этом переполошенно лаяли.

— Ну-с, — многозначительно протянул Илья. — Надеюсь, ты догадался, что от тебя требуется.

— Вроде.

— Ты должен выжить. А потому иди-ка, поупражняйся пока, приведи себя в форму. А я пока тут маленько покопаюсь.

Леонид двинулся в сторону леса.

Илья нанизал огромные, заранее подготовленные куски

мяса на проволоку и отправился с ними к клеткам, в которых томились псы. Сначала к одной. Затем к другой.

Почувяв запах мяса, псы совсем обезумели. Слюна ручьем потекла у них с языков, глаза налились кровью. Они готовы были перегрызть железные прутья, вырваться на свободу и сожрать вместе с кусками мяса и того, кто этими кусками дразнил их.

Илья действовал неторопливо. Повертел возле клеток прямо у морд собак нанизанную на проволоку приманку, затем протащил мясо по песку до того места, которое планировал как конечную точку в предстоящем действе.

В этой точке он и остановился. И стал ждать Леонида.

Тот вышел из-за деревьев через пару минут и уверенным шагом двинулся к учителю.

— Я готов, — произнес он, становясь рядом с Ильей.

Илья не спешил. Он посмотрел на безоблачное небо. Прищурился от ярких солнечных лучей, затем обвел взглядом морскую гладь, деревья с остро уходящими ввысь макушками, и только после этого глянул на Леонида.

— Пострелял?

— Ага, — не терял спокойствия духа Леонид.

— «Узи» — сюда, — властно сказал Илья.

Леонид удивился, однако не стал возражать. Сняв с плеча пистолет-пулемет, он протянул его Илье.

— Теперь «беретту».

Леонид поморщился. И почувствовал себя несколько

неуверенно. Он вдруг подумал, а не намерен ли Илья оставить его без оружия наедине с голодными псами? Было бы не очень приятно оказаться съеденным в расцвете лет.

Боялся Леонид зря. Без оружия оставлять своего ученика Илья не собирался.

Воронцов поменял в «беретте» магазин и вернул оружие Леониду.

— Пистолет с полной обоймой, — сказал он. — Ее тебе будет достаточно. «Узи» останется со мной. Еще у тебя нож. И этого тебе должно вполне хватить, чтобы остаться невредимым.

— Я должен буду перестрелять всех собак?

— Именно всех. Перестрелять, перерезать им глотки — как придется. Мне важен результат — ты должен разделаться со своими врагами. На данном этапе твои враги — псы.

При слове «псы» лай над островком усилился. Мистика — да и только!

— Я уйду. А ты остаешься на этом месте. И никуда с него. Таковы правила игры.

Илья двинулся к катеру.

Леонид остался. Сжав в руке рукоятку пистолета, он смотрел вслед своему учителю, все еще толком не понимая, что произойдет дальше.

Ему не пришлось долго раздумывать.

Илья исчез в каюте катера, а затем появился на палубе вновь. В руках у него была снайперская винтовка. Илья сдви-

нул козырек бейсболки на затылок, положил ствол винтовки на поручень и прильнул к прицелу.

Катер стоял у берега. Клетки с псами располагались в пятидесяти метрах по разные стороны от катера. И дальше, у опушки леса, между этими клетками находился человек.

Бах! Бах!

Два выстрела прогремели с интервалом в несколько секунд.

Пули снесли замки на клетках, освободив таким образом путь голодным разъяренным псам.

И те не замедлили воспользоваться возможностью вырваться на свободу.

Шестерка четвероногих вылетела на песок. Псы бросились по запаху туда, где лежало мясо. И где стоял человек.

Псы мчались на Леонида. На какое-то мгновение он скосил глаза под ноги, где лежали куски мяса с запекшейся кровью, и успел подумать, что вполне возможно в такие вот куски он и сам может превратиться. А потом уже не было времени думать. Собаки приближались с двух сторон. Три собаки с одной и три с другой. Им было плевать, кого разрывать на части. Если бы не запах мяса, они бы набросились друг на друга...

Леонид резко поднял руку с оружием. В конце концов Илья прав — нужно выжить. Вот он закон бытия. И эти твари, бегущие на него, и он сам хотят одного — выжить. А выжить, оказывается, можно только ценой смерти противной

стороны. Вот она мораль. Вот она главная суть его работы. Работы киллера.

И осознание этого придало ему силы.

Пук! Пук!

Один пес резко ткнулся мордой в песок, затем по инерции перевернулся несколько раз и рухнул пластом. Второй выстрел — промах.

Пук!

Леонид, как робот, автоматически сместил прицел.

Другая собака завертелась, попала под ноги третьей и тем замедлила той ход.

Леонид не стрелял еще по столь стремительно двигавшимся мишеням...

Сзади слышалось тяжелое дыхание. И Леониду показалось, что оно раздается прямо возле уха.

Он резко обернулся и тут же два раза нажал на курок.

Пук! Пук!

Он уже действовал на подсознательном уровне, не иначе. Не оставалось даже доли секунды, чтобы что-то оценить.

Но, по всей видимости, в экстремальных ситуациях так и должно быть.

Одна собака распласталась на песке, подняв тучу мелких камешков. Вторая проехала по песку животом и завертелась на месте, словно ее ужалили в спину.

Третьей Леонид вышиб мозги, когда она уже изготавилась к прыжку на него, будто понимала, что именно он представ-

ляет опасность, и главное — он не дает возможности вцепиться зубами в то, что издает такой вкусный запах.

Леонид моментально развернулся. С одной стороны с угрозой было покончено. А вот с другой...

Оставшийся в живых пес сбил его с ног. Леонид успел нажать на спуск, когда собака вцепилась ему в руку. Но пуля ушла в пустоту.

Илья спокойно наблюдал за происходящим на островке.

И даже когда человек и собака боролись на берегу, лицо у него не изменилось. Только когда все затихло, он позволил себе слегка усмехнуться.

Пес остался лежать. А Леонид поднялся и, прижимая к телу пораненную клыками руку, двинулся к катеру. В здоровой руке он держал нож, с острия которого на песок стекали капли крови.

— Ты промахнулся один раз. И потерял секунды на раздумья, — жестко констатировал Илья, когда Леонид подошел к катеру и мутным взором уставился на своего учителя.

Леонид такого не ожидал. Рука кровоточила. Перед глазами все еще стояла шея собаки, в которую он несколько раз всадил нож.

Он вдруг подумал, что Илья сейчас заставит его отжаться в качестве наказания за промахи, и от такой мысли не на шутку разозлился.

Но Илья ничего такого не сказал. Наоборот.

— А в общем — с задачей ты справился. Ты выжил. Зна-

чит, можно считать, что зачет ты сдал.

Илья скрылся в каюте, вернулся с аптечкой и вместе с ней и со снайперской винтовкой сошел на берег.

— Садись. Сейчас я обработаю твою рану, перевяжу, и ты немного отдохнешь.

— Разве это не все? — Леонид вдруг почувствовал тревогу; у него уже не было сил.

— Я расскажу тебе вот об этой штуке, — Илья кивнул на винтовку. — Это тебе необходимо. И еще кое о чем.

Леонид облегченно вздохнул. И тут же ощутил себя каким-то опустошенным.

Илья довольно искусно обработал рану, после чего Леонид разлегся прямо на песке и устало закрыл глаза.

Через полчаса он уже как ни в чем не бывало сопел. Но вздремнуть ему не удалось. Толчок в бок вывел его из дремы.

Илья стоял над ним во весь рост и держал в руке лопату. — За собой нужно убирать, — поучительным тоном заметил Илья.

И Леонид с тоской в глазах стал подниматься с земли.

Глядя на удаляющегося ученика, Илья недовольно покачал головой. Парень вроде бы и справился с поставленной задачей. Однако... Его синие глаза так до конца и не обрели жесткого выражения. И это было плохо.

Впрочем, за тот промежуток времени, какой ему был дан...

Приходилось все делать на износ. И парень, конечно,

устал.

Вот и сейчас. Он еще должен рассказать ему о снайперской винтовке. При обычной продолжительности обучения на это ушло бы от пары дней до недели. И только на винтовку. Ведь он рассказывал своим ученикам едва ли не обо всех имеющихся в мире типах оружия. Втолковывал им: какое и в каких случаях может пригодиться. Конечно, всех видов оружия у него в наличии не было — но и того, что имелось, было вполне достаточно.

Для Леонида у него недели не было. И двух дней тоже. Вот если только пара часов. За которые он мог лишь вкратце рассказать о снайперской винтовке и дать возможность потренироваться с нею. Остальные типы оружия придется пропустить. Хотя кое на чем еще доведется заострить внимание. На том, как по завершении работы «уходить» и на какое время «затаиться». Это стоит того, чтобы потратить время. И пожалуй все...

Звонок Родова был вчера неспроста. И хотя Родов не требовал своего человека назад, Илья понял, что это произойдет со дня на день. А значит, с обучением следует поторопиться. Потому как оставался еще один пункт, на выполнении которого настаивал Родов.

Этот пункт был оговорен впервые. И сколько времени уйдет на выполнение его — Илья не мог сказать. Поэтому следовало поторопиться.

Илья выругался в адрес своего хозяина.

Спешка к хорошим результатам никогда не приводит.

Илья увидел, что Леонид возвращается, и постарался сделать свое лицо бесстрастным.

6

На этот раз они изменили меню. Были шашлыки, салат и красное вино.

В остальном все было по-старому. Из динамиков лилась тихая мелодия. Леонид подметил: пел Стинг, это было что-то из его старого репертуара.

Илья вообще не обращал внимания на то, кто поет или кто играет. Главное — была приятная музыка, способствующая здоровому пищеварению. Было мало людей, стояла хорошая погода, слышался шум прибоя — и казалось, что в жизни больше ничего не нужно. Во всяком случае, в эту минуту.

— А вот и она, — прожевав очередной кусок сочного шашлыка и отхлебнув из стакана добрый глоток вина, воскликнул Леонид.

Глаза у парня заискрились. И Илья тоскливо вздохнул. «Очень мало времени», — в который раз подумал он.

— Опять эта красotka, — Леонид промокнул губы салфеткой.

Илья оглянулся.

Она подошла только что и уселась за свой столик. Официантка, уже зная, что закажет посетительница, с готовностью

несла излюбленный ее коктейль.

В этом тоже ничего не менялось.

А вот в другом... Изменения решил внести Леонид. Он поднялся, отбросил салфетку на столик и оглянулся на Илью:

— Надеюсь, теперь можно? Вроде уже все?

Илья неторопливо отпил из стакана:

— Хочешь познакомиться? Валяй.

Леонид не стал задерживаться. А Илья даже не повернул головы, чтобы посмотреть, как происходит знакомство.

Леонид отсутствовал с полчаса. А когда вернулся, опустился на стул рядом со своим учителем с весьма довольным видом.

— Ну как? — без особого интереса спросил Илья. — Она согласилась прыгнуть к тебе в постель?

— Вот еще! — фыркнул Леонид, откидываясь на спинку пластикового стула. — Сегодня нет. У нее там что-то... — он неопределенно повертел рукой у себя над головой. — Мы договорились на завтра.

Илья одобрил:

— Это хорошо, что сегодня ничего не получилось.

— Сегодня? — Леонид настороженно уставился на Илью.

— Именно. Потому что нам нужно еще кое-что сделать.

— А разве мы еще не закончили? — тревога у Леонида усилилась.

— А я об этом говорил? — Илья ухмыльнулся. — Нет,

малыш. Осталось последнее.

— И что же?

— Видишь ли, — в раздумье протянул Илья. — Человек, от которого ты прибыл, поставил небольшое условие.

— Я ничего ни о каком условии не знаю, — вспыхнул тут же Леонид.

— Вполне верю. О нем знаю только я. Ну и тот, кто его поставил, разумеется. Так вот... Оно должно быть выполнено. Надеюсь, ты знаешь характер своего хозяина?

Леонид насупился.

— Что нужно? — спросил он.

— Курс обучения должен завершиться практикой, — Илья потянулся к стакану.

— А разве я не практиковался на собаках?

— Этого мало, — Илья с холодным блеском в глазах отхлебнул вина. — Ты должен попрактиковаться на человеке.

Ничего не отразилось на лице у Леонида. И это понравилось Илье. А вот реакция на последовавший затем вопрос Илья уже нисколько не понравилась.

— И, надеюсь, ты догадываешься — кто будет этим человеком?

Леонид вздрогнул, достал из кармана рубашки темные очки. Которые незамедлительно водрузил себе на переносицу.

ГЛАВА ПЯТАЯ. КОСАРЕВ

Мадам было за сорок. Невысокого роста, со вкусом сделанный макияж. Она была пышная дамочка — пышные ягодицы, пышные бедра, пышный бюст и пышные платиновые волосы.

— Любопытно, любопытно, — проворковала она, пропуская меня в комнату; причем не спросила ни как меня зовут, ни по какому я пришел вопросу, словно уже обо всем знала, либо это не имело для нее значения.

Обстановка в комнате — шикарный мягкий угол, кресло, столик и небольшая стенка сплошь из стекла.

— Прошу, — она указала рукой на диван.

Я с наслаждением занял предложенное место.

Мадам подвинула кресло, устроилась в нем и указала на очередной предмет — на альбом, который лежал на журнальном столике.

— Вижу, придется изрядно поработать с вами, — озабоченно сказала она, подхватывая со столика пачку сигарет и зажигалку.

Я не мог не согласиться с ней. Видок у меня был, наверняка, еще тот. Если костюмчик и вполне, то, конечно, моя физиономия, несмотря на утренний холодный душ, все еще сохраняла следы бурно проведенной ночи с двумя жрицами любви. И уж Мадам своим профессиональным взглядом эти следы не иначе углядела.

— Но мы поработаем, — с убежденностью сказала она, пуская струю табачного дыма в потолок. — А что вы сидите?

Смотрите альбом. Там все мои девочки. Лучшие, смею вас заверить.

Последнее было произнесено таким тоном, словно имелся в виду не отдельно взятый город, — и даже не страна, — а полностью голубой шарик.

К альбому я так и не притронулся. Мне он был не нужен. Ни альбом, ни девочки. Хотя нет. Насчет девочек я, пожалуй, немного поспешил. Одна мне была нужна. И именно из-за нее я здесь и находился. У этой дородной платиновой тети.

— Ах да, — по-своему трактовала мое бездействие Мадам. — Вы там по телефону намекали на какое-то разнообразие.

Она тут же мне заговорщицки подмигнула, пыхнула дымком и уверенно успокоила:

— Насчет разнообразия не сомневайтесь. С моими девочками — это вам обеспечено.

Я все понял. Она спутала меня с клиентом. Который ей звонил. И который должен был вот-вот прийти. Может, оно и к лучшему, что она приняла меня не за того. А то чего доброго до этой прелестной комнатенки я бы и не добрался. В крайнем случае, не так просто.

Я не стал больше выжидать, достал из кармана фотографию и протянул ее Мадам.

Как мне ни было с утра тяжело, я все же нашел в себе силы выгнать своих навязчивых подружек и после утреннего мочiona наведal старого дружка, увлекающегося программи-

рованием. Тот вывел с видеокассеты на компьютер изображение девчонки, а затем с помощью цветного принтера сделал мне распечатку.

Показывать минивидеокассету Родова Мадам я посчитал не лучшим вариантом.

Лицо Мадам при виде запечатленной на снимке молоденькой девушки изменилось.

Она отбросила фотографию на столик, затем прищурилась, осматривая меня уже по-новому, и заключила:

— Ты не клиент.

С данным доводом нельзя было не согласиться. Но рукоплескать ее прозорливости я не стал.

— Я бы сказал, не совсем обычный клиент, — поправил ее я.

Она фыркнула и склонила голову набок, приноравливаясь разглядеть меня в новом ракурсе. Не думаю, что от этого впечатление относительно моей личности у нее улучшилось.

— Ну, и что хочет необычный клиент?

— Мне нужна информация об этой девушке. И я готов за нее заплатить. Как за лучшую вашу шлюшку.

— У меня не шлюшки, — неожиданно вспыхнула она и ткнула в мою сторону сигаретой. — Понял? У меня приличные девушки.

— Согласен. У вас приличные тургеневские девушки, — не стал спорить я. — И я готов заплатить, как за лучшую.

— Ты мент, — неожиданно резко проговорила она.

— Я не мент.

— Да? — для нее это, пожалуй, было непонятно.

— Менты, смею вас заверить, за информацию не платят. Они не любят этого делать. Предпочитая получать все безвозмездно.

— Н-да, — протянула она. — Убедительно. Но раз ты не мент...

Мадам нависла над журнальным столиком, так что ее груди коснулись столешницы, и стала шарить рукой под столом.

— Тем хуже для тебя, — закончила она.

Смысл фразы, а также манипуляций рукой под столом я понял минутой позже. Когда дверь в комнату с шумом распахнулась, и на пороге нарисовался довольно крепкий парниша под два метра ростом. Белая рубашка с закатанными по локоть рукавами, потертые джинсы, слегка приплюснутый нос и гладкая прическа. Сломанный нос выдавал в нем боксера.

Не составляло труда предположить, что сей экземплярчик был телохранителем Мадам.

Думаю, в журнальном столике имелась потаенная кнопка для вызова одного субъекта. Который неторопливо подходил ко мне, тяжело дыша и грозно вращая глазами.

Боксировать с ним у меня никакого желания не было.

А вот у него, по всей видимости, руки чесались. Потому как он не преминул положить свои тяжелые ладони мне на плечи.

— Юрок, — сладко пропела Мадам, откидываясь на спинку кресла. — Этот человек ошибся адресом. И мне кажется, я тоже несколько ошиблась.

Ей не очень хотелось признаваться в том, что она дала настоящего маху, приняв меня за клиента.

— Щас поправим, — обрадовался Юрок, успокаивая хозяйку; и его руки, тисками сдавив мне плечи, стали поднимать меня с дивана.

Диван стоял не впритык к стене. А отступал от нее на полметра. И я решил, что отступ был рассчитан именно для таких ситуаций. Чтобы милый Юрок мог подойти к неблагонадежному клиенту сзади, схватить его за горло и так далее.

Меня детина решил стащить с дивана и выбросить вон.

Я не дал ему такой радости.

Не оборачиваясь, я двинул кулаком на сопящий звук и почувствовал, что угодил в цель. Мой кулак соприкоснулся с чем-то твердым, и я решил, что сим предметом может быть только боксерский нос.

Я оказался прав.

От такого ответа Юрок ослабил хватку. Не ожидал, видимо, что ему врежут прямо в сопатку. До меня, по всему виду, клиенты Мадам были более покладистыми.

Но я был рад, что оказался исключением. И пока здоровяк приходил в себя, я успел воспользоваться его растерянностью.

Схватив Юрка за обмякшие руки, я рванул их на себя и

перебросил тело через диван. Было, конечно, тяжело, но вполне можно было нагулять грыжу, но я рискнул.

Грыжу не нагулял, но Юрка уложил с громким стуком на журнальный столик, откуда он мешком свалился на пол, где я уже довершил начатое – резко вывернул ему руку, так что слышались хруст и задумчивый стон.

— А ты что думал, — довольно произнес я.

В процессе заломки данного молодца мне пришлось даже привстать с дивана. Все-таки дядя не метр с кепкой, а все два, — пришлось поднатужиться. Но дело того стоило.

Сзади из-за пояса брюк у Юрка торчала рукоятка пистолета. Пришлось оружие экспроприировать.

Увидев, что я приставляю пистолет к башке Юрка, Мадам заорала. Потребовалось перевести ствол на нее. Крик моментально оборвался, сигарета дрожала в пальцах, а глаза в ужасе бегали от меня к поверженному телохранителю.

— Не нужно было до этого доводить, — с чувством бросил я. — А теперь... — я тяжело вздохнул. — А теперь платить за сведения я не намерен. Теперь уж это как бы в лоб. Теперь ты мне просто все скажешь. Все, что знаешь о девчонке с фотографии. Либо...

Я плавно провел пистолетом вдоль туловища корчащегося Юрка и остановил ствол между ног у бойфренда дамочки.

— ... либо я ему отстрелю одно интересное место.

— Не надо этого, — простонал Юрок.

— А вот у тебя я не спросил, — я посмотрел на Мадам

вопросительно. — Так как? Обмен будет? Ты сведения, я — твоего Юрка.

Мадам, наконец, взяла себя в руки, затушила в пепельнице все еще подрагивающими пальцами сигарету и твердо произнесла:

— Будет. Отпусти его.

— А вот это фигушки, — со злорадством вымолвил я. — Он пока спокойно полежит на полу под прицелом. Так надежнее. А то вдруг твоя информация окажется не соответствующей действительности.

Юрок засопел, но не проронил ни слова.

— Твоя взяла, — веско заявила Мадам. — Пусть лежит.

— Согласен. Так что насчет девушки с фотографии?

— Она появилась у меня с месяц назад.

— То есть ты ее знаешь? — уточнил я, чувствуя прилив сил от того, что дело сдвинулось с места.

— Я ее знала, — поправила меня Мадам. — Ее привезли ко мне ребята, которые охраняют моих девочек. Тех, что работают в гостинице... Не важно, в какой. Так вот, малышка пыталась в этой гостинице оказывать услуги самостоятельно. Пришлось ей предстать передо мной. И я ей сообщила, что на чужую территорию заходить у нас не принято. А потом...

Она запнулась. И я повел стволом пистолета:

— Что потом?

— Она была ничего из себя. И жутко молоденькая, едва

оперившаяся. А на такой молодняк клиенты падки. Так что... В общем, я ей сказала: если она желает работать, — то может остаться у меня.

— Она осталась?

— Осталась.

— И что дальше?

— Она пробыла у меня две недели. А затем исчезла. Словно ее и не было.

— Куда она исчезла? — я нахмурился: что-то все начали довольно быстро исчезать, и почти в одно и то же время.

— А откуда мне знать. Она приезжая. Как сама говорила — решила тут счастья поискать. У них там, в губернии, видите ли, скучно.

— У тебя она счастья этого не нашла, — повел бровью я.

— А вот это вопрос, — не согласилась Мадам. — За две недели, которые она у меня провела, с ней ничего дурного не случилось.

— Смотря что понимать под дурным, — выразил сомнение я. — По мне, ложиться под кого-то — уже дерьмо.

— Такие, как ты, как раз и укладывают баб под себя, — неожиданно огрызнулась Мадам.

И я решил больше не касаться этого вопроса.

— Откуда приехала девчонка?

Когда я услышал ответ, мне стало что-то нехорошо. И уже следующий вопрос я задал чисто автоматически, интуитивно чувствуя, какой получу ответ.

— Как ее фамилия?

Интуиция меня не подвела. Услышав фамилию, я с минуту пребывал в растерянности. Но затем все-таки взял себя в руки:

— Как она исчезла? Ее вызвал клиент, и после этого она пропала? Или еще как?

— Она просто не пришла на работу. Я послала лично Юрка, чтобы он съездил за ней в гостиницу.

— В гостиницу?

— Да. Где она временно жила... Ее там не было. Метрдотель сказал, что она выписалась. И утречком с сумкой-рюкзачком куда-то ушла. Куда? Метрдотель не знал. Больше она у меня не появлялась.

— Может, ее кто другой переманил к себе?

— Я — лучшая, — хмыкнула самодовольно Мадам. — Только дуры могут от меня уйти. А эта девочка была не дура.

— Кто был последним ее клиентом? — зашел я с другого бока.

— Упомнишь тут! — хмыкнула Мадам. — У меня столько девочек... Хотя.

Я не стал ее торопить. Чувствовалось, что-то пришло ей на ум, что-то такое, что не вписывалось в обычное — почему ей и запомнилось.

— За день до ее исчезновения приходил один. Симпатяга, при деньгах... Побаловаться хотел. Я ему показала альбом. Он долго смотрел фотографии, а затем... Затем на одном ли-

сте остановился, лицо у него какое-то стало застывшее. Он долго, что изваяние, глядел на заинтересовавшую его фотку, потом захлопнул альбом, поспешно распрощался, сказал, что сегодня ему никак, просто он забыл о чем-то... Короче, смотался, пообещав заскочить завтра. Обычно таких умников, которые вдруг перестают желать, мы малость трясем — для науки им, чтобы попусту не тревожили деловых людей, но этого... Я решила: пусть идет. Какой-то он ушел... будто пришибленный.

— И кого он увидел в альбоме?

— Ладно дурака валять, — фыркнула Мадам. — На ней он остановился.

— Как выглядел этот симпатяга?

Здесь меня ждал еще один сюрприз. После описания я не удержался, вытащил из кармана пиджака фотографию Кири и подсунул Мадам.

— Этот?

— Он, — впилась она взглядом в снимок, данный мне Родовым. — Только какой-то...

— Это компьютерный вариант.

— Компьютерный, — она сделала вид, что поняла.

Я убрал фотографию Кири назад в карман пиджака, туда же отправил фотографию девчонки, после чего вновь взял в оборот Мадам:

— Ее снимок в альбоме остался?

— Нет. Я его сожгла. Раз девушка ушла, она не нужна в

альбоме.

— И обычно ты такие снимки сжигаешь?

— Просто выбрасывать я считаю не эстетичным.

— Какие высокие нравы, — ехидно буркнул я. — А негатив?

— А негатив у фотографа.

Впрочем, мне достаточно было и той фотографии, что имел.

Я подумал, что узнал довольно прилично. Я даже не ожидал, что почерпну столько информации от одного человека.

Можно было уходить. И заняться анализом.

— Ну вот, — я расправил плечи и двинулся к выходу; сделав несколько шагов, обернулся: — Приятно было поговорить.

Последнее я произнес не без язвительности и потряс пистолетом.

— Оружие оставляю у входа. Это на тот случай, чтобы твой Юрок и не надеялся на реванш.

Меня ждала моя машина. Ждала квартира, в которой я мог спокойно все обдумать.

А обдумать мне нужно было многое.

2

Для начала я выпил пива. И почувствовал себя после этого обновленным. Как, наверное, чувствует себя механизм,

который смазали солидолом.

Я неторопливо прибрал квартиру после давешнего налета подружек и лишь потом, плюхнувшись на диван, занялся тем, чем и собирался, — принялся анализировать.

Спустя час я завершил анализ и стал воплощать в жизнь принятые решения.

Первым делом я позвонил в аэропорт и поинтересовался самолетами, вылетающими в Орловскую область. Полученная информация меня воодушевила. Тем, что все можно было сделать за один день. То есть завтра утречком слетать в нужное мне место и вечером же возвратиться. Дня мне, как я считал, должно было хватить с лихвой.

Покончив с этим, я позвонил Родову. Его домашний телефон не ответил, и я набрал номер сотового. Здесь мне повезло.

— Да, — устало пропыхтела трубка знакомым мне голосом.

«Пыхтение» свидетельствовало о том, что Родов сейчас имел мало сил для разговора, и требовалось вести с ним беседу как можно лаконичнее.

— Это Виртуоз.

— Ну? — удивился Родов и даже затаил дыхание.

— Кирю я еще не нашел, — поспешил сказать я.

Родов принял сказанное мной без воодушевления:

— Что тогда?

— Вы обещали мне возможность побывать в том месте,

где работал Артур Ивин.

— Ивин? — Родов как будто насторожился. — А при чем здесь Ивин? Меня интересует только Киря.

— Я о том и говорю, — ушел от объяснений я.

— Мутишь ты что-то, Виртуоз, — неодобрительно засопел Родов и замолчал, видимо, тяжело соображая; потом опять послышался его голос: — Так я не понял. Ты что от меня хочешь?

— Побывать, где работал Артур. Тот придурок, который порекомендовал вам известного урода.

— Хм, — Родов был доволен услышанным; ему понравилось, что я согласен с ним, и Артур — придурок, а Киря — урод. — Ну раз обещал — можешь посетить.

— Скажите адрес и сообщите на работе, что я приду от вас.

— Ну, запоминай или записывай, — Родов продиктовал мне адресок. — Я сейчас позвоню туда... Вас встретит Алла Тимофеевна. Она в курсе и расскажет все, что нужно.

— Я понял.

— Это хорошо, что ты понял, — перескочил тут же на «ты» Родов. — Ты это... Ты что-нибудь откопал?

— Думаю, что скоро смогу кое-что сообщить о нашем деле.

— Хм, — Родов все же усомнился. — Это тоже неплохо. Ну тогда валяй, Виртуоз. Действуй. Я сейчас очень занят... И трубка тотчас же дала отбой.

Я немного перекусил и отправился по адресу, названному Родовым.

Меня ждало много занимательного. Что-то подсказывало мне, что будет именно так. И я не обманулся в ожиданиях.

3

Алла Тимофеевна ждала меня у входа в филиал.

Это была худенькая, невысокого роста женщина лет пятидесяти. И напоминала она строгую учительницу. Черное под горлышко платье, огромные очки и коротенькая стрижка.

— Вы Игорь Викторович? — ледяным голосом спросила она.

И я от этого голоса едва не поежился. Подбирает же себе кадры Родов. Что мужиков, что женщин.

Когда я кивнул, женщина бросила:

— Идемте за мной.

Мы вошли в двухэтажное здание. Двое охранников не без подобострастия отошли в сторону, едва женщина появилась в просторном холле.

— Иван Михайлович предупредил меня о вашем визите. И просил посодействовать в отношении персоны Ивина.

Она прошла по широкому коридору и остановилась у одного из кабинетов.

— Вы позволите мне посмотреть ваши документы? — она все же решила подстраховаться.

Заглянув в мой паспорт, она открыла дверь и пригласила меня войти в комнату.

— Это мой кабинет, — она прошла по ковровой дорожке к массивному столу, заваленному бумагами и оснащенному двумя компьютерами. — Садитесь.

Она указала мне на стул возле стены. Сама, как и подобает хозяйке, уселась за столом.

— Так что вы хотели узнать об Ивине, Игорь Викторович? — голос у нее был по-прежнему ледяным.

— Все, — я уселся на предложенное место.

— Все, — повторила как-то зловеще она и добавила: — Кто же знает все?

— Тогда все, что знаете вы и те, кто с ним работал.

— Артур работал у нас довольно долго, — женщина откинулась на спинку кресла и ритмично застучала пальцами по поверхности стола.

— Я знаю, сколько он у вас работал. Он ведь был руководителем данного филиала, правильно?

— Мы вдвоем руководили этим филиалом. Я занималась и занимаюсь производственной стороной. Он занимался безопасностью.

— Безопасностью? — об этом Родов мне не говорил, и я решил уточнить. — А каковы функции вашего филиала?

— У нас компьютерный центр. К нам стекается вся информация с различных наших предприятий, фирм, разбросанных по разным уголкам страны.

— То есть вы представляете собой что-то вроде головного отдела? — уточнил я.

— Не совсем так. Мы только собираем информацию со всех наших предприятий. Систематизируем. А уж подведением итогов и самими выводами занимается... Это уже к Ивану Михайловичу.

Имя Родова было произнесено едва не полупшепотом.

— Подведение итогов идет на основе ваших данных?

— Естественно, — небрежно пожала плечами Алла Тимофеевна. — На основе полученных данных мы указываем слабые места, отмечаем — где появляются несоответствия данных одних наших фирм с другими... а также возникает разбежка в сведениях не с нашими резидентами.

— Банк данных.

— Не нужно скептицизма. Мы лишь указываем. А дальше... Как, какими методами устранять слабые места, либо произвести какое-то изменение, — уже решают без нас.

— И часто Родов не соглашается с вашими выводами?

Я, в отличие от этой женщины, не благоговел перед именем Родова. Обойдется толстяк Чёрчъ.

— Мы профессионалы, — гордо вскинула голову Алла Тимофеевна; и этим было сказано все.

— В таком случае вернемся к Ивину, — сместил акцент нашей беседы я.

— Как скажете. Иван Михайлович советовал мне быть с вами в меру откровенной.

— В меру?

— Доверять нельзя никому, — с пафосом заявила она.

— Не буду спорить, — улыбнулся я.

— И не надо, — вскинула брови она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.